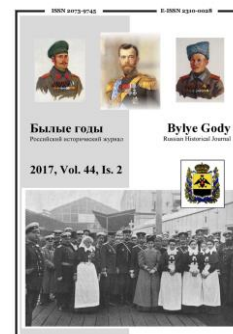

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 44, Is. 2, pp. 680-711, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.2.680
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47)

The Social and Psychological Profile of the Russian Proletariat and Its Role in the Revolutionary Movement

Boris N. Mironov^{a, *}

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

In Imperial Russia workers were in all respects disadvantaged, marginalized, frustrated, and the most deviant social group of the entire population; the workers were nineteen times more likely than peasant-farmers to engage in criminal activity. The proletarians' political radicalism and aggressiveness had social, demographic, and psychological origins. Workers' socio-legal status was indeterminate and transitional: they came from all social estates, although the overwhelming number were of peasant origin; but they were not themselves a social estate, and by 1917 they had not yet become a class. Cut off from the accustomed conditions of life and accepted standards of behavior in the social groups from which they came, workers adapted with difficulty to factory and urban life, and this difficulty in turn spurred their anti-social behavior and negative psychological state. Workers had a low standard of living and a disadvantageous gender, age, and family structure. There were six times more men than women among them; the age profile was skewed toward youth; and almost half the men and two-thirds of the women were unmarried. As a result of their low standard of living, marginal status, and gender and age imbalance workers were sexually anxious, frustrated, and dissatisfied with life if only because, while living in a society that valued family and children highly, many of the workers had neither the one nor the other. Given the practical impossibility of satisfying fundamental, basic needs a confrontational, negative emotional state of frustration developed among workers: discontent, disappointment, anxiety, anger, and even despair, which often manifested itself in aggressive behavior directed against the real or imagined source of this frustration.

As a consequence of low levels of education and of cognitive and cultural development, the vast majority of workers did not see themselves as a coherent whole; they did not possess a socialist worldview; they did not have specific goals and interests; and they did not lay claim to a leading role in the revolutionary movement. They easily became an object of manipulation by the leaders of the revolution and were easy prey for radicals and revolutionaries. Simple, understandable slogans and clever propaganda secured the Bolsheviks' success among workers, while the revolutionaries' extensive, skillful organizational work enabled them to mobilize the proletariat and to harness its energy for their own purposes, to use the workers as a battering ram and cannon fodder to achieve their own political program.

Keywords: Russian proletariat, social estate structure, age and sex structure, family profile, cultural level, frustration, marginalization, professionalization, workers' movement, petitions, labor troubles, strikes, manipulation of workers, Bolsheviks, Revolution of 1917

1. Введение

В советском обществоведении российский пролетариат мыслился и изображался авангардом и гегемоном революционного движения, обладавшим марксистским мировоззрением и благодаря этому принявшим самое активное участие в революции 1917 г. ради построения социализма и мировой революции. Эта точка зрения не была пересмотрена в постсоветской историографии; о ней

* Corresponding author

E-mail addresses: bmironov@mail.wplus.net (B.N. Mironov)

как будто забыли. На самом деле она присутствует в научном и массовом сознании как фоновое знание; де-факто ее разделяют многие историки, особенно старшего поколения. Цель статьи состоит в том, чтобы всесторонне протестировать эту точку зрения и предложить новый взгляд на российский рабочий класс.

2. Материалы и методы

Исследование основано на статистических источниках, среди которых отчеты фабричных инспекторов за 1901–1914 гг., сведения о рабочем движении в 1895–1920 гг., материалы переписей населения 1897 и 1920 гг., санитарных обследований фабрик и заводов в 1880–1910-е гг. и промышленных переписей 1887–1926 гг., статистические ежегодники России за 1905–1924 гг., а также мемуарные источники (записки фабричных инспекторов, воспоминания рабочих и другие). В своем анализе автор следует принципам историзма, научной объективности и системности, использует сравнительно-исторический метод.

3. Обсуждение и результаты

3.1. Российская историография

История российского пролетариата и рабочего движения являлась в советской историографии важнейшей и идеологически востребованной темой. Однако, несмотря на огромную историографию, насчитывающую тысячи работ, тема отнюдь не была исчерпана вследствие того, что изучение собственно рабочего класса зачастую подменялось или нагружалось историей большевизма. Советские историки уже в 1930-е гг. получили прямой заказ со стороны директивных органов доказать закономерность так называемой Великой Октябрьской социалистической революции и тем самым оправдать усилия и все средства, включая массовый террор, которые использовали большевики для ее победы. Говоря более конкретно, требовалось доказать, что 1) страна была капиталистически достаточно развитой и готовой в социально-экономическом отношении для проведения «социалистической революции» и последующих социалистических преобразований, 2) революция была пролетарской и социалистической по своему содержанию, 3) в ней пролетариату принадлежала роль авангарда трудящихся и гегемона, 4) рабочий класс обладал всеми необходимыми качествами для выполнения этой миссии (был многочисленным, классово развитым, марксистски мыслящим и т.д.), чтобы выполнить эту миссию, 5) победа революции подтвердила на практике правильность марксистско-ленинского положения о том, что главной движущей силой революционного преобразования мира является рабочий класс. Немногочисленные попытки разнообразить заданную программу исследований или от нее уклониться были пресечены. В результате советским историкам в течение нескольких десятилетий пришлось трудиться над ее реализацией и найти искомое (Волобуев, Гапоненко, 1968; *Рабочий класс России, 1982: 5–17, 374–382; Рабочий класс, 1989: 497–520, 591*). При этом решающими аргументами в пользу этой концепции нередко служили цитаты из трудов В.И. Ленина и других классиков марксизма (*История СССР, 1968: 17–81, 317–323, 678–681; Рабочий класс, 1989: 5–17, 374–383*).

Историки – буквально соревновались в том, чтобы насчитать больше рабочих и больше фактов и форм их неповиновения и протестов, обнаружить больше признаков классовой сознательности. Радикальный способ завышения численности рабочих состоял в объединении всех лиц наемного труда в единый класс пролетариев, что нельзя признать правильным. Многие работники, в особенности занятые в сфере услуг (слуги, приказчики, дворники, извозчики, портные, сапожники, продавцы, проститутки, артисты и т. д.), представляли специфические социальные группы, отличавшиеся по доходу, образу жизни, образованию и менталитету от промышленных рабочих; некоторые из них занимались в большей или меньшей мере умственным трудом и не идентифицировали себя с рабочими. Низший управляющий персонал в промышленности, строительстве и на транспорте, несмотря на его рабочее происхождение, также вряд ли правильно объединять с пролетариями. Популярным способом повышения классовой сознательности и революционности пролетариев стало объединение их всех в единый класс и наделение качествами, присущими малочисленной группе «умственных, или интеллигентных, рабочих». Такие «передовые» рабочие действительно существовали, и их число со временем увеличивалось, но в какой мере не знали, поэтому обычно говорили, что быстро росло. По признанию участников проекта «Хроника рабочего движения», воздействие нормативной концепции, согласно которой рабочий класс России являлся ударной силой освободительного движения, сказывалось помимо их воли уже на стадии первичной обработки источников – при заполнении карточек, посвященных отдельным выступлениям, под влиянием инструкции по заполнению карточек и содержавшейся в ней классификации выступлений.

Вплоть до распада Советского Союза таким именно образом и проходило изучение истории пролетариата. После революции начала 1990-х гг. ситуация принципиально изменилась. Хотя осмысление роли революционных событий 1917 г. в судьбе страны оставалось одной из самых актуальных проблем, рабочая тематика ушла на обочину, превратившись в «маргинальную». Одновременно с этим ключевой для советской историографии вопрос о роли рабочего класса в революционном движении из повестки изучения также исчез. В числе главных причин

маргинализации рабочей темы называются конкуренция со стороны историков, чья проблематика долгое время не была в фаворе; негативная позиция общественности и средств массовой информации, осудивших пролетариат за активное участие в «красной смуте»; политика учреждений, ответственных за изучение истории в средней и высшей школе, исключивших из научных программ, учебников и учебных пособий темы, связанные с положением трудящихся, историей их борьбы за свои права и повышение материального уровня жизни. И. М. Пушкарева даже предположила, что подобные исследования стали для власть предержащих «ненужными» и даже «по своему опасными», поскольку указывали большинству населения современной России, живущему за чертой бедности, как нужно бороться за улучшение своего положения (Пушкарева, 2002: 69–70, 103). С этим трудно согласиться. На протяжении почти всего советского периода рассказы о борьбе трудящихся за свои права «при проклятом царизме» не казались опасными, хотя уровень жизни советских рабочих в довоенное время, как правило, снижался, а в послевоенные годы, несмотря на повышение, не стал высоким. Более важным, на мой взгляд, фактором, повлиявшим на свертывание изучения истории пролетариата – необъективность и предвзятая заданность советской историографии, превратившая рабочих, как сказал С.В. Тютюкин, из живых людей в «некую бронзовую фигуру, которая уже весьма отдаленно напоминала исторические реалии конца XIX – начала XX в.». Именно идеализация пролетариата и рабочего движения, гиперболизация его значения («главная движущая сила революционного преобразования мира», которому «принадлежит решающая роль в борьбе за свержение власти капитала, в построении социализма и коммунизма» (Волобуев, Гапоненко, 1968; Рабочий класс, 1989: 497–520; Рабочий класс, 1982: 168–173, 226–233, 331–336, 368–373) послужили важнейшей причиной антирабочего поворота в историографии, продолжающегося, к сожалению, до сих пор (Пушкарева, 2002: 103). К сожалению, потому что, несмотря на огромную советскую литературу, в истории российского рабочего класса неясного намного больше, чем объясненного.

Редкие попытки реанимировать изучение истории рабочих все же предпринимались (Кириянов, 2005; Пушкарева 2002; Пушкарева, 2007; Чураков, 2001; и др.). И.М. Пушкарева отметила ряд недостатков в советской историографии пролетариата. Темпы формирования рабочего класса, степень его социальной самоидентификации, классовой сознательности и революционности преувеличивались, а уровень культурной, материальной и социальной дифференциации, наоборот, преуменьшался, что позволяло объединить всех пролетариев в «передовой», «героический» рабочий класс. Несмотря на то что официальная статистика в 3–4 раза преуменьшала число выступлений рабочих, конфликтный потенциал рабочего движения до 1905 г. отнюдь не был высоким, как постулировалось. К главным центрам рабочего движения следует отнести не только Петербург и Москву, но Западный регион, населенный евреями и поляками. Ведущая роль в революционной пропаганде среди рабочих принадлежала не эсерам или какой-либо другой партии, а социал-демократам, о чем говорит тот факт, что последние распространили в целом по стране наибольшее количество (даже по названиям) агитационных материалов, обращенных к рабочим. Влияние экономизма в среде рабочих замалчивалось или недооценивалось. Между тем, он имел перспективы для своего развития благодаря тому, что материально обездоленная огромная масса рабочих была готова поставить на первый план или даже вообще ограничиться экономическими требованиями. Стихийный и бунтарский характер выступлений рабочих, сопровождавшихся во многих случаях разгромом фабрично-заводских помещений, повреждением оборудования, станков, нападениями на администрацию, преуменьшался в стремлении подчеркнуть организованность рабочего движения (Пушкарева, 2002: 73–76; Трудовые конфликты, 2011: 58, 75, 434–435, 437, 444–445). Но даже полное устранение перечисленных недостатков советской историографии не изменит, а лишь подкорректирует навязываемое ею общее представление о пролетариате как прогрессивном классе и гегемоне революции.

3.2. Зарубежная историография

Изучение истории российского рабочего класса за рубежом шло более извилистым путем и находилось под влиянием господствующих методологических парадигм. В американской историографии, определяющей развитие зарубежных исследований, получила распространение периодизация послевоенной русистики, основанной на поколенном принципе: поколение «отцов» (конец 1940-х – середина 1960-х гг.), «детей» (конец 1960-х – конец 1980-х гг.) и «внуков» (с 1990-х гг.). Каждый хронологический отрезок – одновременно и этап, и поколение, так как в каждый период преобладающая группа историков относилась к людям примерно одного возраста. Данная классификация при всей ее условности отражает смену господствующей парадигмы или структурные сдвиги в историографии. «Отцы» писали историю «сверху вниз», дети – «снизу вверх», внуки – предпочитают изнутри. «Отцы» подчеркивали определяющую роль политики, выдающихся личностей и идеологии; «дети» строили свои интерпретации вокруг «общественных сил», «внуки» – вокруг идеологии, личности, социальных групп. Неотъемлемым элементом подхода «отцов» было подчеркивание случайности большевизма и возможности либеральной альтернативы; «дети» охотнее писали о социальной необходимости революций и взаимодействии народа с революционными партиями; «внуки» допускают любые варианты. «Отцы» были антикоммунистами и антимарксистами; «дети» придерживались более «левых» взглядов, не чурались марксизма,

использовали данные и до некоторой степени разделяли постулаты официальной советской историографии; «внуки» принадлежали к разным партиям. «Отцы» изучали преимущественно политическую историю конца XIX – начала XX в.: большая политика и ее главные действующие лица, метаидеи, партии, государство, элита, истоки и альтернативы революций, революционное движение, русский марксизм. «Дети» предпочитали социальную историю от Великих реформ до 1917 г. «Внукам» больше нравилось изучать XVIII – начало XIX в., империю, нерусские народы, «белые пятна» советского периода. С точки зрения методологических ориентаций, «отцы» принимали за лучшее принцип Леопольда фон Ранке «установить, как собственно все происходило»; «дети» придерживались парадигмы западной социальной истории, построенной на количественных, социологических методах и междисциплинарном подходе. «Внуков» можно назвать эклектиками – не отказываясь от сравнительно-исторического и междисциплинарного подходов (правда, они отдают предпочтение литературоведению, семиотике и культурной антропологии), им нравится работать в рамках новой культурной истории, изучать умонастроения, социальные идентификации, народную культуру; метаисторию они приносят в жертву частому случаю (case-study), постижение общего – изучению конкретного, индивидуального, анализ – повествованию. Почти все «внуки» находятся под сильным влиянием постмодернизма, правда, и действующие «отцы» и «дети» не избежали его влияния. Однако, постмодернистские настроения среди русистов, как и историков вообще, не стали доминирующими. Основной структурный сдвиг во взглядах трех поколений русистов на исторический процесс – «это сдвиг от “большой” политики и грандиозных идей “отцов” к рассмотрению “детьми” проблем общества и общественных сил, и к широкому понимаю культуры “внуками”» (Миронов, 2003: 135–146).

Соответственно единства взглядов на российский рабочий класс в зарубежной историографии не было и нет (Большакова, 2009; Иоффе, 1970: 285–291, 297–298; Критический словарь, 2014; Розенберг, 1996; Соболев, 1979: 183–195; Три революции, 1977; Фогт, 1990). «Отцы» представляли рабочих забытыми, невежественными, плохо организованными, политически индифферентными. По их мнению, они обладали специфической культурой, плебейско-пролетарским сознанием и были склонны к анархизму – к безначалию, беспорядку и хаосу. Их поведение даже в 1917 г. носило стихийный, анархический, бунтарский характер, было непредсказуемо, особенно в экстремальных ситуациях, создавая возможность для неожиданного, стихийного и случайного поворота событий, в том числе и в сторону бунта и насильственной смены власти.

«Отцы» отрицали активное и сознательное участие рабочего класса в подготовке и проведении Октябрьской революции. Среди них пользовалась популярностью так называемая концепция «запланированной революции» или «волевого насилия над массами» посредством умелой манипуляции с помощью «революционной техники». По словам Т. Фон Лауэ: «Большевики никогда с массами не сливались, выступая в роли манипуляторов воли народа, а не его представителей» (Laue, 1964: 127). Только большевики были обучены технике организационного манипулирования масс и знали более или менее, чего они хотят. Умелое использование этой техники позволило им взять под контроль Советы, фабзавкомы и профсоюзы. Большевизация масс к осени 1917 г. – результат манипулирования. Радикальная интеллигенция, лишенная политического рационализма и склонная к социально-политическим утопиям, – единственный творец Октября (Соболев, 1979: 186–187).

Усилиями «детей» во второй половине 1960–1980-х гг. была создана новая социальная история рабочего класса. Ее главная цель состояла в том, чтобы вернуть на историческую сцену «низы» – рабочих, солдат и крестьян, осмыслить исторические события, самые критические исторические моменты, явления и процессы «снизу», на основе анализа социокультурных реалий России. Проблемы собственно политики и власти у социальных историков ушли на второй план. В центре изучения оказались социальные структуры, социальные отношения и социальные процессы: рабочий класс, крестьянство, бюрократия, формирование классов, социальная мобильность, менталитет и др. «Дети» признавали закономерность революции (правда, в рамках теории модернизации); ее движущей силой, за редкими исключениями, считали рабочих и солдат, а не большевиков. Революционно настроенные промышленные рабочие наряду с солдатами составляли фундамент массовой поддержки большевистского движения, и главные промышленные центры являлись опорными пунктами революции. Октябрь оценивался как величайшая в мире социальная революция. Виднейший представитель социальных историков, Р. Суни, идентифицировал ее как марксистскую по своему происхождению (Большакова, 2009: 13–18). По мнению социальных историков, политическая история, изучаемая «отцами» вне социально-культурной среды, искажает исторический процесс. «Отцы» утверждали, что именно политика определяет суть исторических процессов, в силу этого социальная история, изучаемая вне политики, дает еще более искаженную картину по сравнению с политическими историками, игнорирующими социальный контекст. «Дети» полагали, что процесс модернизации затруднялся и ограничивался факторами социального и культурного характера. В то время как «отцы», изучавшие политику и власть в отрыве от социально-культурных процессов («история сверху»), неудачу модернизации связывали с разрушительной деятельностью властолюбивых революционных радикалов (Актон, 2014; Большакова, 2009; Розенберг, 1996: 12, 14; Розенберг, 2014; Соболев, 1979; Фогт, 1990; Perrie, 1987; Ragsdale, 2003; Smith, 1994; Suny, 1994).

Однако и в рамках социальной истории рабочего класса единства взглядов не наблюдалось. Например, по мнению одних, волнения среди рабочих и социальная поляризация поставили Россию на грань революции еще до первой мировой войны. Другие полагали, что нет неопровержимых данных о том, что царскому режиму в то время грозил неминуемый крах. Одни считали, что коллективизм пролетариата, создание им советов, фабзавкомов и рабочего контроля было следствием общинных принципов, унаследованных им от крестьян, другие усматривали в этом проявление социального творчества самих рабочих.

В отличие от советских историков, пришедших к своим выводам дедуктивным путем – от марксистской концепции пролетариата и социалистической революции, зарубежные историки сделали заключение скорее индуктивным путем, на основе эмпирического анализа. Ход мысли следующий – если рабочие приняли самое активное участие в свержении монархии и Временного правительства и проявили революционность, то они обладали пролетарским сознанием. Дедуктивный метод в решении конкретной исторической проблемы не состоятелен, тем более тогда, когда подвергается серьезным сомнениям сама исходная теория. Но и применение индуктивного метода в данном случае вызывает сомнение: эмпирический материал, послуживший основанием для вывода, касался исключительно *внешнего* участия рабочих в революции. Мотивация, стимулы, рефлексия относительно того, что, как и зачем они делают революцию, не анализировались. Между тем при оценке того, насколько пролетарии разделяли символ социалистической веры, это имеет принципиальное значение. Чтобы суд признал девиантный поступок преступлением, недостаточно факта совершения этого поступка – необходимо наличие преступного мотива и осознание девиантом преступности этого мотива и совершенного проступка. Аналогично и революционным поведением рабочих. Поведение действительно было революционным. Но что за ним стояло – пролетарское сознание или, как утверждали представители политической школы американских русистов, – плебейско-пролетарское сознание, склонность к безначалию, беспорядку, насилию и хаосу.

Начало третьего периода в изучении пролетариата совпало с публикацией двух книг одного из столпов первого поколения, Р. Пайпса, «Русская революция» (1990 г.) и «Россия при большевиках» (1993 г.) (Пайпс, 1994; Пайпс, 1997), в которых он попытался взять реванш у социальных историков. Книги имели огромный успех у широкой читательской аудитории США и в солидной прессе, что вызвало «почти озлобление у профессионалов», они «рвали его на куски», поскольку Пайпс игнорировал фактически все достижения целого поколения социальных историков и поддерживал интерпретации, которые они отвергали (Большакова, 2009: 20). Однако «внуки» не поддержали ни Пайпса, ни социальных историков – они пошли своей дорогой, совершив два крутых методологических поворота – лингвистический и культурный (или культурологический антропологический), которые акцентировали внимание исследователей на языке, культуре, идеях и представлениях. Вследствие этого взгляд на рабочих изменился, а вместе с тем – и повестка его изучения, которая стала включать совсем другие вопросы. То, что раньше казалось важным, утратило свое значение в глазах «внуков». Пролетариат не пользовался у них особым вниманием, что привело некоторых зарубежных коллег к заключению о конце рабочей истории, с которым большинство не согласилось: несмотря на спад интереса, «внуки» выполнили много важных исследований и сделали массу интересных наблюдений (Линден, 1996: 259–260). Лингвистический поворот поставил во главу угла вопрос о практике речевого поведения индивидов, или дискурсах, которые могут быть речевыми и невербальными. Например, репрезентации рабочих в прессе, листовках и т. п. «способствовали формированию у рабочих социальной идентичности, одновременно снабжая их образами и языком для осмысления и выражения своих взглядов». В исследованиях, выполненных в рамках культурного поворота, ключевыми стали такие категории «новой культурной истории», как историческая память, нарратив, миф и использование концептов социальной интерпретации и социального конструирования. Приобрели популярность исследования политической культуры, массового сознания рабочих и пропаганды как важнейшего в революционные годы политического инструмента. Стоит отметить, что традиционные подходы сочетаются с новыми, например, количественный на макроуровне соединяется с анализом событий и фактов на микроуровне и с пристальным обращением к индивидууму – участнику события (Большакова, 2009: 21–22).

Краткий обзор историографии пролетариата приводит к парадоксальным выводам. Самое мощное направление в советской историографии принесло плоды сомнительного качества, дало результаты во многом недостоверные и необъективные. Мы не имеем полных и надежных данных о численности рабочих, их сословном составе, уровне образования, о гендерном, возрастном и семейном профиле. У нас нет достоверных статистических данных о его материальном положении, нет статистики рабочего движения по России за пореформенный период в целом.

Относительно социально-психологического облика и менталитета, так же как и роли пролетариата в революционных событиях 1917 г. сосуществуют противоречивые точки зрения, и число их множится. Многие исследователи, не утруждая себя изучением историографии, предлагают собственные интерпретации, аргументируют свои выводы, опираясь на специфический блок данных. Положение, согласно которому могильщиком империи был рабочий класс, оспорен, но до сих пор сохраняет много сторонников не только среди марксистов. Аксиоматический в советской историографии тезис о пролетариате как главной движущей силе революционного процесса имеет

немало сторонников. Неомарксистские историки по-прежнему поддерживают основные положения советской историографии, лишь слегка их подновив: верят в системный кризис и саморазрушение самодержавной системы, деградацию правящих элит и государственных институтов, в отсутствии у элиты страны во главе с царем «государственной мудрости» (Трудовые конфликты, 2011: 445). А твердые и последовательные марксисты полностью и все их разделяют (Красное движение, 2016).

Все многообразие противоречивых, порой исключаящих оценок, сложившихся в постсоветское время в отечественной и зарубежной историографии, существует в учебной литературе. Есть учебники, которые оценивают роль пролетариата и рабочее движение с позиций либеральной, державной, националистической и монархической, с точки зрения разных методологических ориентаций, включая марксистскую (Данилов, 2012).

В зарубежной историографии также нет определенности. Принципиально различающиеся точки зрения на пролетариат, сформулированные двумя послевоенными поколениями русистов, сосуществуют. Третье поколение не имеет желания разбираться в том, кто прав – оно ставит и ищет ответы на другие вопросы, которые кажутся ему более интересными. Зарубежные историки могут себе это позволить, российские – нет. Для нас, российских историков, революция продолжается, нерешенные вопросы остаются актуальными, даже если они вытеснены на обочину или в подсознание отечественной историографии.

Кем же являлся российский пролетариат в конце XIX – начале XX в. – революционным авангардом или маргиналом? Какую роль он играл в революционном движении – субъекта политического процесса или объекта манипулирования со стороны политиков? Прояснению этих вопросов истории российского пролетариата и посвящена данная статья.

3.3. Социальная природа, численность, гендерный, возрастной и семейный состав промышленных рабочих

Следует различать превращение рабочих в один из классов буржуазного общества (наряду с высшим и средним классом, что происходит, когда общество трансформируется из аграрного в индустриальное) в социологическом смысле и формирование пролетариата как класса в марксистском смысле. Чтобы считаться классом в социологическом смысле, рабочие должны обладать специфическим престижем, властью, материальным положением, образованием, стилем жизни; иметь представление о себе, о других группах и о социальной иерархии в обществе в целом, а также о социальном мире и способах его изменения, но их идеология не обязательно должна быть промарксистской (Масионис, 2004: 340–342, 352–357).

На мой взгляд, вплоть до конца царского режима рабочие не являлись ни сословной группой, так как не соответствовали критериям сословия, ни классом, поскольку не обладали всеми обязательными признаками класса не только в марксистском, но и в общесоциологическом смысле термина «класс». Общность рабочих объективно не имела четких социальных границ. Классовая идентичность рабочих была весьма проблематичной и с точки зрения самоидентификации и перекрестной (со стороны других социальных групп) идентификации. По закону отдельные рабочие не имели равные права ни в своей среде, ни за ее пределами. Они обладали правами и обязанностями тех сословий, из которых происходили, а происходили они из всех сословий, включая дворянство и духовенство. Большинство рабочих оценивали себя в понятиях сословного общества; аналогично смотрели на рабочих и на себя другие социальные группы (Фриз, 2000: 121–162). Это было следствием того, что классовое общество в позднимперской России находилось в стадии формирования. Между тем для классовой идентичности рабочих в обществе должны существовать другие классы, которые смотрят на себя, на других и на социальную иерархию в обществе с классовой точки зрения. Положение усугублялось тем, что вследствие специфической половозрастной структуры рабочая общность не могла сама себя демографически воспроизводить. Она постоянно нуждалась в притоке свежих кадров, которые поступали главным образом из деревни. В свою очередь из состава рабочих уходили те, кому удавалось приобрести образование и новую более престижную профессию. Подобная высокая социальная мобильность на стадии трансформации рабочих в класс затрудняла завершение их социальной идентификации.

Спорным является также вопрос о возможности идентификации рабочих как особой *сословной* группы (Фельдман, 2006: 301). По моему мнению, рабочих можно считать социальной или профессиональной группой, но не сословной, поскольку специфически сословного статуса они по закону не имели: «звание» рабочего не приобреталось и не передавалось по наследству, а сословный состав рабочих был пестрым (табл. 1).

Таблица 1. Сословный состав рабочих Московской (без Москвы) губернии в 1879–1884 гг. и Смоленской губернии в 1894–1895 гг.

Сословные группы	Муж.		Жен.		Оба пола	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Крестьяне	64 608	84,55	30 204	92,25	94 812	86,86
Солдаты /солдатки	6530	8,55	733	2,24	7263	6,65
Мещане	5151	6,74	1787	5,46	6938	6,36
Дворяне	42	0,05	8	0,02	50	0,05
Духовенство	27	0,04	1	0,00	28	0,03
Питомцы воспитательных домов	14	0,02	6	0,02	20	0,02
Цеховые	13	0,02	0	0,00	13	0,01
Почетные граждане	10	0,01	1	0,00	11	0,01
Кантонисты	7	0,01	0	0,00	7	0,01
Иностранцы	4	0,01	1	0,00	5	0,00
Рабочие	4	0,01	0	0,00	4	0,00
Купцы	2	0,00	0	0,00	2	0,00
Прочие	2	0,00	0	0,00	2	0,00
<i>Итого</i>	76 414	100,00	32 741	100,00	109 155	100,00

Подсчитано по: (Санитарное исследование, 1894, 1896; Сборник, 1881–1893).

Промышленные рабочие как *профессиональная* группа появились во второй половине XVII в. вместе с первыми мануфактурами. К 1861 г. число рабочих, занятых в крупной фабрично-заводской и горнозаводской промышленности (без транспорта) возросло до 810 тыс., в 1861–1916 гг. – до 3 млн. (табл. 2)¹.

Таблица 2. Численность рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности и самодеятельного населения в 50 губерниях Европейской России в 1860–1916 гг.

Показатели	1860 г.	1861–1870 гг.	1871–1880 гг.	1881–1890 гг.	1891–1900 гг.	1900 г.	1913 г.	1.01.1917
Число рабочих, тыс.	704,8	797,6	945,6	1160,1	1637,6	1913,0	2557,4	2932,8
Самодеятельное население, тыс.*	36 304	38 251	42 841	49 161	56 512	60 552	74 956	77 638
Доля рабочих, %	1,9	2,1	2,2	2,4	2,9	3,2	3,4	3,8

Подсчитано по: (Волков, 1930: 264–271; Народное хозяйство, 1924: 132–133; Россия, 1995: 223; Народное хозяйство, 1962: 182; Общий свод, 1905: 56–58; Рабочий класс, 1982: 34–43, 245–255; Рабочий класс, 1989: 73–76, 152–177, 260–274; Рашин, 1956: 46–47; Рашин, 1958: 62, 189–190; Статистический ежегодник, 1918: 85).

* Число лиц в возрасте 15 лет и старше.

Однако во всем населении страны их доля в самодеятельном населении страны возросла только с 1,9 до 3,8 % и была весьма незначительной, существенно уступая ведущим западным странам. Доля только промышленных рабочих в самодеятельном населении во второй половине XIX в. увеличилась в Великобритании (без Ирландии) – с 42 до 74 %, во Франции – с 18 до 25 %, в Германии с 7 до 39 %, в США – с 18 до 25 % (табл. 3).

В пореформенное время происходила *профессионализация* российских рабочих, что проявлялось в росте доли постоянных и потомственных кадров, в увеличении стажа и квалификации, в ослаблении связи с земледелием и деревней. Но интенсивность этих процессов в советской историографии преувеличивалась. В 1914 г. доля потомственных кадровых рабочих в фабрично-заводской промышленности в целом по стране составляла менее 50 %. Даже в 1929 г., за который мы имеем самые полные данные, доля кадровых рабочих во всей промышленности составляла 52 % (Рабочий класс, 1982: 73–76; Рабочий класс, 1989: 285–303; Труд в СССР, 1930: 28–29).

¹ В данные Рашина, основанные на официальных сведениях, советские исследователи внесли поправки, на мой взгляд, преувеличивающие численность рабочих, занятых на крупных капиталистических предприятиях. Поэтому я отдаю предпочтение данным Рашина.

Таблица 3. Численность промышленных рабочих, самодеятельного населения и всего населения в России, Великобритании, Франции, Германии и США около 1850 г. и в 1900 г.

Показатели	Россия		Британия		Франция		Германия		США	
	1860 г.	1900 г.	1851 г.	1901 г.	1848 г.	1900 г.	1850 г.	1895 г.	1850 г.	1900 г.
Рабочие, млн	0,8	2,2	4,1	12	2,5	5,0	0,9	9,5	1,4	7
Самодеятельное население, млн	45,6	81,9	9,7	16,3	14,1	19,7	–	24,3	7,7	28,5
Доля рабочих, %	1,8	2,7	42	74	18	25	–	39	18	25

Подсчитано по: (Мендельсон, 1959: 530, 568, 619, 620, 668; Historical Statistics, 1975: 8, 126, 134; Mitchell, 1976: 20–24, 35–37, 41–42, 52–53, 155, 157, 163).

Данные о связи промышленных рабочих с сельским хозяйством разнородны, так как зависели от способа их сбора, от анкеты, на которую отвечали рабочие, от региона и отрасли, наконец, от экономической конъюнктуры в момент исследования. Тенденция уменьшения связи рабочих с землей просматривается, но степень и темпы отрыва рабочих от сельского хозяйства противоречивы, и успехи пролетаризации не стоит преувеличивать (Рабочий класс, 1982: 60–66).

Профессиональная перепись 31 августа 1918 г., охватившая 983,8 тыс. рабочих великороссийских губерний, показала: до революции 1917 г. 31 % рабочих имели в деревне свою землю или землю своей семьи, в том числе 21 % вели свое хозяйство (Подсчитано по: (Фабрично-заводская промышленность, 1926; Статистический ежегодник, 1921: 64–65).

Разумеется, средние цифры скрывали большое региональное и отраслевое разнообразие. Однако всюду значительная часть рабочих не забывала деревню, а кто с нею порвал, не утрачивал полностью крестьянскую закваску – для этого требуется примерно три поколения. Опыты детства в деревне оставляли на мигранте отпечаток, изгладить который для неграмотного или полуграмотного человека было практически невозможно. Как говорится, «девушку / парня из деревни вытащить легко, но деревню из девушки / парня вытащить почти невозможно». Поддержанию тесных отношений с деревней весьма способствовали два обстоятельства. Во-первых, 61 % фабрично-заводских рабочих проживали в сельской местности, так как там размещалось 59 % предприятий, причем многие – сравнительно недалеко от дома (Погожев, 1906: 254). Во-вторых, источником пополнения рабочих кадров на 90 % являлись крестьяне.

Половозрастной и семейный состав рабочих во многом определял их демографическое воспроизводство, преемственность поколений в их среде и психологическое самочувствие. В конце XIX – начале XX в. во всей промышленности в целом доля работниц составляла 15 % (Рашин, 1958: 218). Во время Первой мировой войны женщины стали активнее вовлекаться в промышленность, и к началу 1917 г. их доля среди рабочих поднялась до 40 % (Рашин, 1940: 236; Рабочий класс, 1982: 245–254; Рабочий класс, 1989: 275–277).

У обоих полов преобладали взрослые работники (17–39 лет) – на их долю приходилось 70 %; доля лиц в возрасте 40–59 лет – 12–17 %, а в возрасте старше 59 лет – около 1–2 % (во время войны она увеличилась на 1,5 пункта). Костяк – рабочие в возрасте 20–39 лет, на их долю приходится свыше половины – 55–59 % (Фабрично-заводская промышленность, 1926: 11–125; Свод отчетов, 1914: XLII–L; Динамика, 1929: 70–73; Рабочий класс, 1982: 34–42; Рабочий класс, 1989: 275–277).

Семейный состав рабочих сравнительно с другими сословиями отличался большой спецификой: в 1897 г. среди лиц в возрасте 16 лет и старше почти половина (около 45 %) мужчин и две трети (63 %) женщин не состояли в браке; доля семейных составляла соответственно 53 и 29 % и вдовых – 2 и 8 %. Среди лиц брачного возраста семейных у крестьян насчитывалось в 1,2 раза, а у крестьянок – в 1,8 раза больше, чем у рабочих. Поразительна численность незамужних работниц – 259 тыс., или 63 % от их общего числа, – при том, что имелось 1199 тыс. холостых мужчин (Численность и состав, 1906: I–XX). На каждую девицу приходилось почти пять холостых мужчин! В последующие годы ситуация мало изменилась (Рабочий класс, 1982: 66–68). Учитывая огромную склонность к семейной жизни, это свидетельствует о печальном факте: условий для нормальной по крестьянским стандартам семейной жизни у рабочих не имелось. Главные препятствия – плохие жилищные условия, отсутствие дошкольных и школьных учреждений, а также неразвитость государственной системы социального обеспечения. В деревне последняя также отсутствовала. Но там функции материального обеспечения и обслуживания людей в старости, при потере трудоспособности и кормильца, а также в случае болезни по обычному праву выполнили община, семья и родственники (Миронов, 2015а: 216–217).

В родной деревне жилище доставалось по наследству, да и построить новое не требовало больших средств. Фабрика в лучшем случае обеспечивала казармой; снять квартиру или построить собственный дом представляло трудности. Поэтому до середины XIX в. большинство рабочих жили на предприятии, иногда прямо в цехе или мастерской, где они работали, бесплатно.

В пореформенный период в общероссийском масштабе процент промышленных рабочих, пользовавшихся «хозяйским жильем», сокращался – до примерно 35 % в 1897 г. до 25 % в 1918 г. (Кириянов, 1979: 230–232). Добавим: жилищные условия комфортом не отличались. В казармах на одного человека приходилось от 4 до 10 м³ кубатуры или от 2 до 5 м² площади, в среднем близко к стандартам того времени: в конце XIX – начале XX в. 9,7 м³ на одного человека признавались санитарно-гигиенической нормой кубатуры воздуха в «обывательских» домах и 7,4 м³ – в ночлежных (Кириянов, 1979: 243–244). Как правило, отсутствовали водопровод и канализация, а отхожие места находились во дворе в виде холодных дощатых будок (Сборник, 1881–1893. Т. 4, ч. 2: 211–253; Кириянов, 1979: 213–258). К 1914 г. жилищные условия рабочих улучшились, особенно после 1905 г., однако для подавляющего большинства рабочих они оставались неудовлетворительными. Характерный факт: на предприятиях, где жилищные условия улучшались, процент семейных рабочих возрастал (Кириянов, 1979: 220–221, 253–254, 257, 270–271; Рабочий класс, 1982: 98–106; Рабочий класс, 1989: 345–351).

Второе препятствие для семейной жизни – почти полное отсутствие дошкольных учреждений и недостаточное количество бесплатных школ. При неразвитости контрацепции семейная жизнь неминуемо и скоро приводила к рождением одного ребенка за другим. В деревне молодая семья жила с родителями и родственниками, которые могли присмотреть за маленькими детьми. Для фабричной работницы рождение детей вынуждало ее оставить работу и перейти на иждивение мужа, что создавало для большинства труднопреодолимые финансовые проблемы. Отсюда частое обращение работниц к абортам, которые делались нелегально, так как запрещались законом. Следствием невозможности или затруднительности семейной жизни являлось большое число незаконнорожденных детей и распространенность проституции и венерических болезней в промышленных центрах, где концентрировались молодые холостые мужчины.

Сравним особенности в половозрастном и семейном составе рабочих и крестьян на 1897 г. (табл. 4).

Таблица 4. Половозрастной, семейный состав и грамотность крестьян и рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности России в 1897 г.

Показатели	Рабочие			Крестьяне		
	Муж.	Жен.	Оба пола	Муж.	Жен.	Оба пола
Средний возраст, лет	30,7	28,6	30,3	24,4	24,3	24,3
Средний возраст лиц в возрасте 12–70 лет, лет	30,7	28,6	30,3	32,9	32,5	32,7
Дети, 0–11 лет, %	1,5	2,7	1,7	33,4	32,4	32,9
Дети, 12–14 лет, %	5,9	10,7	7,1	7,0	6,7	6,9
Подростки, 15–16 лет, %	5,8	13,6	7,6	4,1	4,2	4,2
Молодежь – А, 17–29 лет, %	57,9	45,9	55,1	20,1	21,7	20,9
Молодежь – Б, 15–24 лет, %	36,0*	46,0*	40,0*	17,0	18,4	17,7
Зрелые, 30–39 лет, %	9,5	13,4	10,1	12,3	12,3	12,3
Зрелые, 40–59 лет, %	17,9	13,2	17,1	16,1	15,7	15,9
Пожилые, 60–69 лет, %	1,4	0,5	1,2	4,4	4,3	4,3
Старые, старше 69 лет, %	0,1	0,0	0,1	2,6	2,6	2,6
По полу, %	86,5	13,5	–	49,2	50,8	–
В браке в возрасте старше 15 лет, %	54,6	37,0	52,2	66,4	65,9	66,2
Холостые/незамужние, %	43,4	54,9	45,0	27,8	21,2	24,4
Вдовы, %	2,0*	8,1*	2,8*	5,7	12,8	9,3
Разведенные, %	–	–	–	0,1	0,1	0,1
Число детей на семью**	–	–	1,5–2,0	1,5–2,0	1,5–2,0	3–4
Грамотность, %	57,8	28,4	53,6	38,6	13,3	25,4

Подсчитано по: (Численность и состав, 1906: I–XX; Общий свод, 1905: 16–22, 64–67).

* По данным о Владимирской, Московской и Смоленской губерниях.

** Фабрично-заводские рабочие Московской и Смоленской губерний в 1879–1895 гг.

Как видим, рабочие имели неблагоприятный половозрастной и семейный состав, что имело далеко идущие социальные и политические последствия. Равновесие полов создает возможность найти супруга или сексуального партнера. «Если на каждого мужчину будет приходиться по две женщины или на каждую женщину двое мужчин, то из этого произойдут разврат и пренебрежение к детям; никакие нравственные убеждения не помогут горю» – такую закономерность вывел известный исследователь рабочих 1860–1870-х гг. В.В. Берви (1829–1918) (Берви, 1938: 418). Сбалансированная возрастная структура, когда представлены все возрастные группы в естественной пропорции, позволяет старшему поколению защищать и помогать молодежи, передавать ей жизненный опыт и

одновременно держать ее под контролем. Важная роль в социуме принадлежит семье, которая, как известно, позволяет удовлетворять сексуальную потребность, воспитывает, дисциплинирует и осуществляет социальный контроль, выполняет коммуникативную (обмен информацией и взаимодействие) функцию, дает взаимную эмоциональную, моральную и материальную поддержку, спасает от одиночества, обеспечивает домашним уютом и услугами, помогает отдохнуть и организовать досуг, заботится о больных, детях и пожилых, поддерживает здоровье. Люди, живущие в семье, меньше болеют, дольше живут, менее подвержены алкоголизму, реже совершают самоубийства и преступления, имеют более высокий достаток сравнительно с одиночками. Словом, семья обеспечивает более комфортабельные условия жизни (Каминский, 1987). Как же с этой точки зрения можно охарактеризовать российских рабочих?

В 1897 г. (равным образом и в другие годы) среди рабочих существовало ненормальное соотношение полов: женщин насчитывалось в 5,7 раза меньше, чем мужчин (Рашин, 1958: 218). Это объяснялось тем, что спрос на мужские рабочие руки в промышленности, где требовались физическая сила и особые навыки, превышал спрос на женские. С другой стороны, до замужества родители старались не отпускать дочерей от себя, а после замужества – мужа запрещали женам покидать дом. А без разрешения от родителей и мужей сельские власти не выдавали паспортов, на что женщины часто жаловались (Мионов, 2014: 700). Положение усугублялось тем, что и в городском населении в целом мужчины превосходили женщин по численности на пять процентных пунктов, а в крупных городах – на 10–14 пунктов: например, среди петербуржцев в 1897 г. процент мужчин – 55, а женщин – 45, среди москвичей – соответственно 57 и 43 (Общий свод, 1905: 50, 55). Возрастной профиль нарушен в пользу молодежи (среди рабочих в возрасте 17–29 лет их было в 2,6 раза больше, а среди 15–24-летних в 2,3 раза больше, чем среди крестьян). Можно сказать, среди рабочих существовал так называемый «молодежный бугор», рассматриваемый некоторыми социологами как важная предпосылка революционных выступлений. В то же время среди них имелось в 2,7 раза меньше детей и подростков и в 5,3 раза меньше пожилых и стариков (последние уходили доживать и умирать в деревню (Дементьев, 1897: 246–249), чем среди крестьян. Доля зрелых людей (30–59 лет) примерно одинакова – 27,2 против 28,2 %. Процент состоящих в браке у рабочих в 1,2 раза меньше, у работниц – в 1,8 раза меньше, чем у крестьян, зато доля холостых и незамужних – в 2 раза больше. Отсюда, при равной с крестьянами рождаемости и смертности, в среднем на семью у них приходилось примерно в 2 раза меньше детей.

Итак, среди рабочих по сравнению с крестьянами имелось много молодых и одиноких мужчин и женщин, мало детей и пожилых и огромный гендерный и возрастной дисбаланс. По грамотности они более чем в 2 раза превосходили крестьян, их кругозор был выше, потребности – больше, а условия жизни – хуже.

К 1913 г. по сравнению с концом XIX в. половозрастные диспропорции усилились. В целом по стране в составе промышленных рабочих мы находим около 1 млн. молодых одиноких мужчин и около полумиллиона одиноких молодых женщин, по причине дисбаланса полов сексуально озабоченных, раздраженных и неудовлетворенных жизнью уже только потому, что в стране, где так ценились семья и дети, многие из них не имели ни того ни другого. В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у человека рождается конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние – то, что называется в психологии фрустрацией, которая часто находит проявление в агрессивном поведении, направленном против действительного или мнимого его источника. Фрустрированные люди легко вовлекаются в политические движения протестного характера, становясь легкой добычей разных политических и религиозных пророков, сочувствующих им и обещающих быстрое изменение жизни к лучшему, если они будут следовать их принципам и призывам. Не случайно главной социальной базой анархизма являлись фабричные рабочие, деклассированные личности, люмпен-пролетариат, «босьяки», безработные и незрелая молодежь, а среди его последователей в период Первой русской революции преобладала малограмотная молодежь – средний возраст анархистов составлял 18–24 года, образование – не выше начального.

Высокая криминогенность, активное участие в забастовочном движении и низкий уровень дисциплины на предприятиях говорят о фрустрации рабочих более чем красноречиво. В конце XIX – начале XX в., с точки зрения криминогенности, представителей различных профессий (отношение доли лиц данной профессии в общем числе осужденных к доле лиц данной профессии во всем населении) рабочие находились на первом месте (11,2 %), крестьяне-землепашцы, проживавшие в деревне, – на последнем (0,6 %). На 5,2 млн. фабрично-заводских рабочих, составлявших 4 % населения, приходилось около 30 % всех осужденных (Распределение рабочих, 1905: V; Мионов 2015b: 133–134). Рабочие, подавляющее число которых по сословной принадлежности являлись крестьянами, были в 19 раз более криминогенными, чем крестьяне-хлебопашцы, жившие в общине, что в значительной степени объяснялось фрустрированностью и маргинальностью их положения. Порой было очень трудно отличить хулиганов от рабочих во время забастовок и демонстраций (Neuberger, 1993).

Высокая преступность и низкая дисциплина рабочих объяснялись их маргинальным социальным статусом – еще не пролетарий, но уже и не крестьянин-земледелец. Оторвавшись от

привычных условий и принятых стандартов поведения в деревне, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, из чего проистекали антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния. Освобожденные от контроля общины, не обладавшие достаточным самоконтролем, молодые люди легко давали волю агрессии и другим отрицательным эмоциям. Как писал в 1901 г. шеф жандармов П.Д. Святополк-Мирский: «В последние 3–4 года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горстка руководит всей остальной инертной массой рабочих» (Святополк-Мирский, 1936: 62).

Несмотря на тяжелые бытовые условия жизни рабочих, миграция крестьян в города и рабочие поселки в пореформенное время возрастала главным образом вследствие аграрного перенаселения и более высоких заработков (Миронов, 2012: 425–428).

Таким образом, в социобиологическом и психологическом отношениях российские рабочие представляли собой нездоровое сообщество – агрессивную и гремучую массу, готовую взорваться при неблагоприятных обстоятельствах. К тому же основная их часть концентрировалась в немногих промышленных центрах и особенно в двух столицах, что делало их еще более социально опасными.

3.4. Российская специфика рабочего движения

Российское рабочее движение по масштабу и интенсивности не уступало западноевропейскому и американскому даже в мирные годы и заметно превосходило его в годы революции и войны. Для сравнительной оценки силы стачек я буду использовать два показателя – 1) долю забастовщиков в общей численности пролетариев и 2) потери рабочих дней на 1000 человек. Первый учитывает только размах забастовочного движения или степень вовлеченности в него рабочих, второй – также его интенсивность, поэтому является комплексным показателем. Результаты расчетов представлены в табл. 5.

Таблица 5. Забастовочное движение в России и западных странах в 1895–1921 гг.*

Годы	Россия**	Россия***	Великобритания	Франция	Германия	Италия	Австрия	США
	Доля забастовщиков в общем числе рабочих, %							
1895–1904	2,6	2,6	1,2	0,7	1,1	1,2	0,3	1,7
1905–1907	86,2	47,4	0,9	1,3	3,3	2,2	1,0	0,9
1908–1913	16,3	6,8	3,8	1,0	2,4	1,7	0,5	–
1914–1918	47,4	22,1	3,3	0,6	2,0	1,0	0,2	–
1919–1921	–	–	11,0	4,4	7,8	8,5	6,2	–
Потери рабочих дней на 1000 рабочих								
1895–1904	152	152	328	118	158	–	–	–
1905–1907	6107	3359	148	253	550	–	–	–
1908–1913	661	470	787	150	373	–	–	–
1914–1918	2042****	541****	285	46	46	52	–	–
1919–1921	–	–	2547	703	862	1234	315	–

Источники: Россия: Свод отчетов, 1903–1915; Варзар, 1905: 36, 39, 52, Приложение; Варзар, 1910: 33, 46–48; Статистический сборник, 1921: 37–38, 131, 139, 141, 149, 155, 159, 163. Европа: Mitchell, 1976: 153–165, 173–177. США: Historical Statistics, 1975: 126–127, 153–163, 179.

* В России среди фабрично-заводских рабочих, в других странах – среди лиц наемного труда.

** Все стачки.

*** Экономические стачки.

**** 1914–1916 гг.

Как видим, российские рабочие сравнительно с их западными коллегами устраивали забастовки чаще, причем их выступления продолжались дольше. Только британские рабочие в 1895–1904 и 1908–1913 гг. устраивали более длительные забастовки¹.

Во время Первой мировой войны потери рабочих дней по причине стачек в России были в 7 раз больше, чем в Великобритании, в 44 раза больше, чем во Франции и Германии, и в 39 раз больше, чем в Италии. Другими словами, и по вовлеченности, и по интенсивности забастовочное движение в России было сильнее, чем на Западе. Принимая во внимание, что на Западе забастовочное движение вошло в норму экономической жизни раньше, чем в России, успехи российских пролетариев на ниве борьбы с капиталом и правительством следует признать феноменальными, и этим достижением они в существенной мере обязаны русской интеллигенции.

Рост рабочего движения рассматривается в историографии как показатель тяжелого и ухудшающего положения рабочих. В действительности, позднеимперский период отмечен повышением социальной защищенности, сокращением времени труда и ростом зарплаты (*Рабочий класс, 1982: 107–121; Валетов, 2007*). При Николае II была реализована серия законов, улучшавших положение рабочих: сокращение продолжительности рабочего дня в фабрично-заводской промышленности до 10 часов и введение обязательного «нормального» отдыха служащих в торговых заведениях и конторах (1906 г.); учреждение института фабричных инспекторов, имевшего целью регулирование отношений между рабочими и предпринимателями (1899 г.); учреждение на казенных предприятиях пенсий для рабочих, потерявших трудоспособность (1901 г.); введение страхования рабочих и членов их семей от несчастных случаев (1903 г.) и по болезни (1912 г.) за счет предпринимателей; разрешение создавать профессиональные союзы (1906 г.). Реальная заработная плата промышленных рабочих обоего пола с 1880-х гг. по 1911–1913 гг. выросла на 20 %, сельскохозяйственных – на 33 % (*табл. 6*).

Таблица 6. Средняя поденная плата промышленного и сельскохозяйственного рабочего в Европейской России в 1850–1913 гг. (номинальных коп.)

Рабочий	1850-е гг.	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1900-е гг.	1911–1913 гг.
Сельскохозяйственный, мужского пола	23,5	52,4	53,4	55	69,1	92
Сельскохозяйственный, женского пола	15	33	35,3	36,3	44,7	55,8
Промышленный, оба пола	77	80	70	68–77	86	99–113
Промышленный, мужского пола	83	86	76	79	93	114
Промышленный, женского пола	42	43	38	39	46	57

Источник: (*Миронов, 2012: 429*).

Несмотря на позитивную динамику зарплаты российских рабочих в конце XIX – начале XX в., неверно думать, что они благоденствовали. Позитивная тенденция и уровень жизни – различные ракурсы при оценке благосостояния. Уровень жизни в России повышался, но, как и всюду в Европе в XVIII – начале XX в. он был низким, что обуславливало повсеместное применение детского труда в промышленности. Согласно «грубой» оценке Струмилина, в 1913 г. рабочие США по реальной поденной зарплате могли превосходить российских коллег лишь на 15 % (*Струмилин, 1966: 95–96*).

Неудовольствие своим положением рабочие выражали двумя главными способами – жалобами и стачкам, число которых возрастало (*табл. 7*).

¹ По последним сведениям, за 1894–1904 гг. произошло в 4 раза больше стачек и было в 3 раза больше стачечников, чем их зафиксировала фабричная инспекция, на отчеты которой опирались советские историки рабочего класса (*Трудовые конфликты, 2011: 58*). Это стало результатом более полного учета числа губерний, отраслей промышленности и предприятий: если раньше обычно принимались во внимание 58 губерний, то в книге – 81; кроме фабрично-заводской промышленности, учтена горнозаводская и, помимо конфликтов в крупной, зафиксированы выступления рабочих также и в мелкой промышленности. К сожалению, авторы, по-видимому, не имели сведений об общей численности рабочих (не стачечников, а именно рабочих), которые произвели зафиксированные ими стачки. Если бы можно было подсчитать по новым данным долю забастовщиков в общем числе рабочих и потери рабочих дней на 1000 рабочих, то интенсивность стачечной борьбы не отличалась бы в 2–3 раза от той, которую показывают мои расчеты. Но если мои расчеты все же сильно занижают накал стачечной борьбы, то мой общий вывод о большей вовлеченности и интенсивности забастовочного движения в России сравнительно с западными странами тем более верен.

Таблица 7. Число рабочих, обратившихся в фабричную инспекцию с единоличными или коллективными просьбами и жалобами на предпринимателей, и число стачек в 1895–1914 гг.

Год	Число охваченных стачками предприятий		Число участников		Число жалоб			Число жалобщиков		
	тыс.	абс.	%*	тыс.	%**	тыс.	%***	законных, %	тыс.	%***
1895	1552,2	68	0,4	31,2	2	–	–	–	–	–
1896	1520,6	118	0,6	29,5	1,9	–	–	–	–	–
1897	1501,3	145	0,8	59,9	4	–	–	–	–	–
1898	1505,2	215	1,1	43,2	2,9	–	–	–	–	–
1899	651,2	189	0,9	57,5	8,8	–	–	–	–	–
1900	1699,4	125	0,73	29,4	1,7	–	–	–	–	–
1901	1710,7	164	0,96	32,2	1,9	19,1	1,1	58,5	70,6	4,1
1902	1711,8	123	0,72	36,7	2,1	19,9	1,2	51,8	82,2	4,8
1903	1766,9	550	3,21	86,8	4,9	18,3	1,0	48,9	71,6	4,1
1904	1746,0	68	0,4	24,9	1,4	19,5	1,1	69,7	62,9	3,5
1905	1772,7	13 995	93,2	2863,2	161,5	22,7	1,3	65,0	190,1	10,7
1906	1801,7	6114	42,2	1108,4	61,5	19,7	1,1	61,1	191,6	10,6
1907	1889,7	3573	23,8	740,1	39,2	25,3	1,3	31,9	180,8	9,5
1908	1882,9	892	5,9	176,1	9,4	25,2	1,3	45,7	128,7	6,8
1909	1886,3	340	2,3	64,2	3,4	24,1	1,3	47,9	91,3	4,8
1910	2005,3	222	1,4	46,6	2,3	25,1	1,2	36,8	88,5	4,4
1911	2051,2	466	2,8	105,1	5,1	26,0	1,3	43,8	108	5,3
1912	2151,2	2032	11,7	725,5	33,7	28,5	1,3	42,1	154	7,2
1913	2319,6	2404	13,4	887,1	38,2	27,3	1,2	41,8	145,6	6,3
1914	1960,9	3534	25,2	1337,5	68,2	20,2	1,0	43,0	115,7	6,8

Источники: (Свод отчетов, 1914: LV; Свод отчетов, 1915: LXI, XLVII).

* К числу предприятий.

** К числу рабочих.

С 1901–1904 по 1912–1914 гг. среднее годовое число жалобщиков увеличивалось с 4,1 до 6,8 %, а в годы революции 1905–1907 гг. достигло 10,3 %. Поскольку жалобы носили исключительно экономический характер, петиционное движение отражает меру неудовлетворения экономическими условиями жизни, и она, как видим, росла. Сходную картину дает анализ экономических стачек (табл. 8).

Таблица 8. Экономические и политические стачки российских рабочих в 1895–1914 гг. (в среднем в год)

Показатель	Ед. изм.	1895–1904 гг.	1905–1907 гг.	1908–1911 гг.	1912–1914 гг.	1915–1916 гг.
Число рабочих	тыс.	1636,5	1821,4	1956,4	2143,9	2008,3
Экономические стачки*	абс.	177	4050	343	1079	886
	%**	100	51,3	71,6	40,6	80,0
Участники экономических стачек*	тыс.	43,1	864,2	69,7	304,1	483,3
	%***	2,6	47,4	3,6	14,2	24,1
Политические стачки	абс.	0	3844	137	1578	222
	%**	0	48,7	28,4	59,4	20,0
Участники политических стачек	тыс.	0	706,4	28,3	679,3	265,0
	%***	0	38,8	1,4	31,7	13,2
Участники политических стачек	%****	0	45,0	28,9	69,1	35,4
Общее число стачек	абс.	177	7894	480	2657	1108
Общее число участников	тыс.	43,1	1570,6	98,0	983,4	748,3
	%***	2,6	86,2	5,0	45,9	37,3

Подсчитано по: (Варзар, 1910: 46–48; Свод отчетов, 1910: LII; Свод отчетов, 1912: XCIII–XCIV; Свод отчетов, 1914: LXXIX–LXXX; Свод отчетов, 1915: LXVII, LXXI; Статистический сборник, 1921: 37–38, 131, 139, 141, 149, 155, 159, 163).

* Определено как разница между общим числом стачек (забастовщиков) и политическими стачками (забастовщиками).

** К числу всех стачек.

*** К числу рабочих.

**** К общему числу забастовщиков.

С 1895–1904 по 1912–1914 гг. процент участников экономических стачек повысился на 11,6 пункта – с 2,6 до 14,2 %, но в годы революции, 1905–1907 гг., в них участвовала почти половина всех рабочих. Резкие скачки в общем числе забастовщиков в 1905–1908 и 1912–1914 гг. объясняются главным образом ростом политических стачек, провоцировавших пролетариев на экономические выступления. Но самое неожиданное состояло в другом – рост числа как экономических, так и политических стачек происходил в годы подъема промышленности и зарплаты. При этом со стороны рабочих предъявлялись, как правило, завышенные требования, обгонявшие возможности экономики их удовлетворить. «Нет сомнения, что возрастание стачечного движения связано с общим благоприятным положением фабрично-заводской промышленности, <...> с весьма благоприятной конъюнктурой рынка» (Свод отчетов, 1912: LXXXVII), – говорится в «Своде отчетов фабричных инспекторов за 1911 год». То же отмечается в «Своде... за 1913 год»: «Значительное увеличение в отчетном году количества забастовок экономического характера объясняется общим оживлением отечественной промышленности, вызвавшим у рабочих стремление учесть его в свою пользу и добиться уменьшения рабочего времени и других льгот, что и послужило причиной ряда забастовок преимущественно наступательного характера», т. е. ставивших целью не сохранить, а улучшить положение рабочих (Свод отчетов, 1914: LXXIV). Эту первопричину стачечного движения – более быстрый рост потребностей рабочих по сравнению с медленным изменением к лучшему – Ю.И. Кирьянов отметил еще в 1979 г. (Кирьянов, 1979: 271–273). Пролетариев к выдвижению необоснованно завышенных экономических требований подталкивали все оппозиционные режиму партии, включая либералов, с целью использовать рабочее движение для политического давления на правительство.

В протестном движении рабочих в конце XIX – начале XX в. бросается в глаза наступательный, агрессивный стиль поведения. Их требования к предпринимателям непрерывно усиливались, что ясно проявилось в уменьшении доли основательных, или законных, жалоб, т. е. соответствующих действовавшим в то время правилам и законам. В 1901–1904 гг. фабричные инспекторы признали 57 % поводов основательными, в 1905–1907 гг. – 53 %, а в 1912–1914 гг. – 42 %, или на 15 пунктов меньше, чем в 1901–1904 гг.

Рост недовольства и агрессивности рабочих отразился в снижении на предприятиях трудовой дисциплины. Она, как показывают данные о штрафах за 1901–1914 гг., колебалась по годам, находясь в зависимости от экономической конъюнктуры и политической ситуации в стране, точно так же как забастовки и жалобы. Во время промышленного подъема, когда спрос на труд увеличивался и работу было найти нетрудно, дисциплина снижалась, и, наоборот, в годы экономического спада из-за страха потерять работу пролетарии лучше соблюдали инструкции и становились менее требовательными, наблюдалось уменьшение жалоб и претензий с их стороны (Свод отчетов, 1910: 21). В годы подъема освободительного движения, когда все противники монархии активизировали свои действия, привлекая пролетариев для поддержания своих политических требований, трудовая дисциплина резко падала, во время революции 1905–1907 гг. – до самой низкой отметки; наоборот, в годы политической стабилизации – повышалась. Отсюда возникала необходимость со стороны предпринимателей расходовать значительные средства на содержание органов контроля, увеличивая тем самым издержки производства (среди так называемой «рабочей интеллигенции» ситуация была иной) (Леонтьев, 1912: 54; Клейнборг, 1913: 22–45).

Еще одна особенность российского рабочего движения – высокая политизированность. На Западе пролетарии участвовали в стачках в основном ради защиты своих групповых экономических интересов; политикой занимались преимущественно профсоюзные боссы и политические партии, а граждане – только в свободное от работы время. Например, в США в 1895–1905 гг. политических забастовок вообще не наблюдалось: рабочих беспокоили зарплата, продолжительность трудового дня, работа профсоюзов и другие житейские дела (табл. 9).

Таблица 9. Причины забастовок в США в 1895–1905 гг.

Год	Число забастовок	Численность участников, тыс.	Причины забастовок, %		
			Зарплата и рабочий день	Профессиональные	Прочие
1895	1255	407	65	17	18
1896	1066	249	51	28	21
1897	1110	416	61	17	21
1898	1098	263	59	21	20
1899	1838	432	55	26	19
1900	1839	568	51	23	27
1901	3012	564	47	34	19
1902	3240	692	50	32	18
1903	3648	788	49	33	18
1904	2419	574	39	40	21
1905	2186	302	43	37	20

Источник: (Historical Statistics, 1975: 179).

В России борьба за экономические интересы сочеталась с политическим движением, причем как до, так и после принятия конституции, создания парламента и легализации деятельности политических партий в 1905 г. В 1905–1907 гг. доля политических стачек составила 48,7 %, а в 1912–1914 гг. – 59,4 % от всех стачек. Другими словами, *российские пролетарии занимались политикой в рабочее время*, хотя это несло большие убытки не только забастовщикам, но и предпринимателям. По подсчетам В. Е. Варзара, потери промышленности за 14 лет, 1895–1908 гг., составили 190,2 млн руб. (примерно 1,5 % ВВП России за 1900 г.) за счет недовыпущенной продукции, а проигрыш пролетариев – 25,4 млн по причине уменьшения заработка (Варзар, 1910: 36–37).

Если экономические стачки могли быть и нередко происходили по инициативе рабочих конкретного предприятия, то политические стачки, как правило, – результат пропаганды и агитации со стороны. Хорошо известно: все просоциалистические партии использовали рабочее движение для давления на правительство; не пренебрегали этим средством и либералы. Именно поэтому мы видим всплеск забастовочного движения именно в те годы, когда противостояние правительства и оппозиции достигало высокой отметки – в 1905–1907 и 1912–1914 гг. Вот, например, объяснение фабричными инспекторами поводов сугубо политических забастовок, получивших название «демонстративно-политических», в 1912 г.: «Поводами демонстративно-политических забастовок в 1912 г. выставлялись: события на Ленских приисках, события на Нерчинской каторге, приговор над севастопольскими матросами, выборы в Государственную Думу, страховые законы 23 июня 1912 г. (рабочие не хотели делать взносы в больничные кассы. – Б. М.) и прочее. Участвовали в политических забастовках, как и следовало ожидать, главным образом, пролетарии С.-Петербурга и отчасти Москвы. Провинция проявляла значительно меньшую склонность к забастовкам этого рода» (Свод отчетов, 1913: LXXVIII). Перечисленные поводы забастовок и места их проведения красноречиво свидетельствуют о том, кто являлся их застрельщиком.

Таким образом, *относительная депривация* хорошо объясняет рост протестных движений рабочих (как, впрочем, и других социальных и профессиональных групп) в пореформенной России и особенно в период Первой мировой войны, когда депривация стала двойной, или прогрессирующей, – относительно претензий и относительно довоенного положения. Растущие ожидания натолкнулись на внезапное ухудшение условий жизни, а неудачи на фронте и большие военные потери отняли оптимизм и веру в скорую конечную победу, что оказалось особенно болезненным.

Людей, недовольных своим материальным положением, во все времена и во всех странах достаточно много. И Россия, разумеется, не являлась исключением. Жалобы на материальные затруднения со стороны рабочих, как правило, обуславливались не полуголодным их существованием. Пролетариев, как и другие социальные группы, стал волновать не только уровень, но и качество жизни, их духовные потребности стали обгонять их возможности, так как даже в «простом» человеке росло чувство личности и самоуважения. Они стали жаловаться не только на низкие заработки и длинный трудовой день, как до Великих реформ, но также на грубость мастеров и других представителей фабричной администрации, на применение физической силы и употребление мата, на сексуальные домогательства к работницам, на обращение к рабочим на «ты», на отношение к ним «как к детям», «рабам», «крепостным» или «вещам» (Нюберггер, 1997; Стейнберг, 1997). В табл. 10 представлены данные о жалобах рабочих «на дурное обращение и побои» по классификации фабричной инспекции за 1901–1913 гг.

Таблица 10. Жалобы рабочих на «дурное обращение» в 1901–1913 гг.

Показатели	1901–1904 гг.	1905–1907 гг.	1908–1910 гг.	1911–1913 гг.
Число поводов в жалобах, тыс.	62,6	238,4	128,3	218,4
Жалобы на дурное обращение, тыс.	2,134	7,622	5,283	14,011
В том числе обоснованных, тыс.	1,741	4,087	2,642	–
Жалобы на дурное обращение, %	3,4	3,2	4,1	6,4
В том числе обоснованных, %	81,6	53,6	50,0	–
Число рабочих на конец года, тыс.	1733,9	1821,4	1924,8	2174,0
Доля пожаловавшихся рабочих, %	3,6	13,1	6,700	10,0
Номинальная годовая зарплата рабочих, руб.	201	218	232	248
Номинальная поденная оплата рабочих, коп.	139	146	145	178

Источник: (Свод отчетов, 1903–1914).

Всего за 13 лет число жалоб «на дурное обращение» выросло абсолютно в 3,5 раза, а с учетом изменения численности рабочих (на 1000 человек) – в 2,8 раза; доля жалоб «на дурное обращение» в общем числе жалоб – почти в 2 раза (с 3,4 % в 1901–1904 гг. до 6,4 % в 1911–1913 гг.). И это несмотря на гуманизацию отношений между администрацией и рабочими! «Случаи побоев в настоящее время

сравнительно редки, – свидетельствовал фабричный инспектор в 1911 г. – Ручная расправа отходит постепенно в область преданий» (Клепиков, 1911: 119). Поэтому доля обоснованных, по мнению фабричной инспекции, жалоб «на дурное обращение», упала с 81,6 % в 1901–1904 гг. до 50 % в 1908–1910 гг. Отметим также, что рабочие обращались с теми же жалобами не только к фабричным инспекторам, но и в мировые суды. И в том, и другом случае явно проявлялось стремление добиться уважения к себе как личности (Миронов, 2014: 437–439; Нюбергер, 1997: 254–268; Стейнберг, 1997: 96–113). В 1903 г. рабочий П. Тимофеев писал в журнале «Русское богатство»: «Чувство неприкосновенности личности, чувство самоуважения не были в то время (15 лет назад. – Б. М.) так развиты в русском рабочем, как теперь. Тогда имело значение только одно – заработок. <...> Теперь вместе с хорошим заработком современный рабочий требует также и хорошего обращения; и достаточно мастеру замахнуть на рабочего рукой или толкнуть его, как мгновенно, как бы от электрического тока, вспыхивает вся мастерская, и пламя ее нередко зажигает весь завод. В летописях русской промышленности последнего времени найдется немало забастовок и бунтов, первоначальной причиной которых было оскорбление действием рабочего со стороны мастера» (Тимофеев, 2000: 775). Действительно, пролетарии стали бороться за уважительное к себе отношение со стороны заводской администрации даже с помощью стачек! По причине «неудовольствия на личный персонал заводууправления» зафиксировано в среднем за 1895–1904 гг. 77 стачек в год, в 1905–1907 гг. – 131, в 1912–1914 гг. – 85, в них принимало участие – соответственно 41,0; 43,8 и 32,3 тыс. рабочих. Примерно для трети этих стачек непосредственной причиной являлось «дурное обращение» (в 1895–1904 гг. 29 из 77) (Варзар, 1905: 52, Прилож.: 36; Варзар, 1910: 47; Свод отчетов, 1914: LXXIX; Свод отчетов, 1915: LXXI).

Неудивительно поэтому, что в 1895–1913 гг. не существовало тесной зависимости между стачечным движением, с одной стороны, и экономической конъюнктурой, и материальным положением рабочих – с другой. Кроме роста чувства личности, большую роль в их поведении играли особенности массового сознания, существенно корректировавшие влияние на них как экономического фактора, так и политических партий (Бовыкин, Бородкин, Кирьянов, 1986: 76; Бородкин, Кирьянов, 1992: 62; Хеймсон, Бриан, 1992: 79–113; Хеймсон, Петруша, 1985: 112–137).

3.5. Вовлечение рабочих в политическую борьбу

Начало XX в. отмечено не только ростом стачечного движения, но и понижением трудовой дисциплины: в 1901–1904 гг. в среднем на одного рабочего приходилось как минимум 2,22 нарушения в год, а в 1910–1913 гг. – 2,50 (Миронов, 1999: 278). Чем это можно объяснить, учитывая, что объективно положение рабочих постепенно улучшалось? Общественность возбуждала и подталкивала рабочих к активной экономической и политической борьбе ради улучшения их положения, одновременно посредством рабочего движения оказывая давление на правительство в целях решения своих политических задач. Наглядный пример дает история так называемого Кровавого воскресенья. Освобожденцы (члены либерально-демократической партии «Союз освобождения»), социал-демократы и эсеры установили контакты с Г.А. Гапоном и другими руководителями «Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», убедили их внести политические требования в готовившуюся петицию к царю – созыв Учредительного собрания, прекращение войны, отделение церкви от государства и прочее, придавшие ей революционный характер и исключавшие возможность принятия ее царем (Потолов, 1997). Во время шествия 9 января большевики выступили с лозунгом «Долой самодержавие» и подняли красный флаг. Эсеры по ходу шествия устраивали беспорядки, рвали телеграфные провода и рубили столбы, строили баррикады, громили оружейные магазины и вооружали народ. С очевидной целью спровоцировать столкновение и вызвать стихийный бунт они подтолкнули шествию к Зимнему дворцу толпу приблизиться к охранявшим его солдатам на расстояние, когда по воинскому уставу следовало после предупредительных выстрелов открыть огонь на поражение (Гапон 1926: 93; Гончаров 1932; Доклад, 1922; Невский, 1922). Об организации намеренной кровавой провокации признался спустя полтора года близкий в 1905 г. к Гапону журналист А. И. Матюшенский в опубликованной в эмигрантском парижском журнале «Красное знамя» покаянной статье: «Я толкал женщин и детей в резню, чтобы вернее достичь поставленной цели. Я думал: уничтожение взрослых мужчин простят, но женщин, матерей с младенцами у груди – никогда! Значит, пусть идут они, – думал я себе, – пусть гибнут, и вместе с ними погибнет единственный символ, который сковал Россию кандалами рабства, муки и стонов» (Матюшенский, 1906: 91). Статья сопровождалась редакционным предисловием, объяснившим причину публикации: «Прочитав "Исповедь" г. Матюшенского, – писал редактор журнала А. В. Амфитиатров, – я пришел к убеждению, что единственным, сколько-нибудь полезным, хотя и жестким для него исходом дела может быть широкое оглашение его покаянных строк, столь выразительно живописующих неблагоприятные (так! – Б.М.) глубины того общественного обмана, который более года владел умами русских людей в миражах "гапоновщины"» (Матюшенский, 1906: 89).

Оппозиция успешно использовала организованное ею же рабочее движение для свержения монархии. Помесячная динамика стачек хорошо иллюстрирует, что настроение, а вместе с ним и общественно-политическая активность рабочих в 1912–1917 гг. находилась под влиянием не столько реального материального положения рабочих, сколько проводимой оппозицией PR-деятельности,

включая пропаганду и агитацию. Во время войны, до февраля 1917 г., питание несколько ухудшилось, но в количественном отношении достаточным (Биншток, Каминский, 1929: 34–35, 84; Свамицкий, 1920: 75; Струмилин, 1923: 49–51). Реальная зарплата рабочих в 1914–1916 гг. незначительно повысилась (табл. 11).

Таблица 11. Изменение реальной зарплаты российских рабочих в 1913–1917 гг.

1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
100	100	106	109	99

Источники: (Прокопович, 1952: 75–78).

С 1912 г. и до июля 1914 г. накал забастовочного движения нарастал, причем демонстративно-политические выступления преобладали (табл. 12).

Таблица 12. Экономические и политические стачки российских рабочих по месяцам в 1912–1917 гг.

Месяц	Экономические стачки					Политические стачки					Всего
	1912	1913	1914	1915	1916	1912	1913	1914	1915	1916	
Январь	20	44	52	14	128	1	100	312	6	38	389
Февраль	21	24	59	21	104	0	0	26	7	4	–
Март	28	32	66	20	61	0	3	349	6	46	2
Апрель	68	73	91	103	150	591	176	300	1	7	1
Май	132	146	343	149	153	492	281	672	13	1	3
Июнь	109	231	185	162	118	0	61	130	2	5	11
Июль	76	370	139	90	81	2	43	605	0	1	100
Август	115	96	7	26	97	0	2	2	50	7	140
Сентябрь	26	61	6	69	88	30	175	0	115	0	107
Октябрь	70	73	9	71	79	72	34	0	8	119	150
Ноябрь	46	169	8	48	51	99	154	5	6	15	–
Декабрь	21	51	4	46	57	13	5	0	1	0	–
Итого	732	1370	969	819	1167	1300	1034	2401	215	243	–

Источники: (Свод отчетов, 1915: LXV, LXVIII; Статистический сборник, 1921: 151–155, 160–161, 164; Стаечное движение, 1988: 486; Минц, 1978: 710).

После объявления войны в августе 1914 г. градус протестов упал почти до нуля, что свидетельствовало не столько о «шовинистическом угаре», охватившем массы, сколько о доверии к монарху и о легитимности режима в целом. Если бы народ действительно ненавидел режим, то ни война, ни государственная пропаганда не смогли бы вызвать настоящего патриотического подъема, наблюдавшегося в стране в течение достаточно длительного времени. Между прочим, в начале XX в. при призыве на службу процент уклонявшихся от нее в России был одним из самых низких в Европе – 3, в то время как во Франции – 4,4, Австро-Венгрии – 7, в Германии – 10 (Редигер, 1913: 235).

В 1915 и 1916 гг. число политических стачек оставалось низким, за некоторыми исключениями¹. Например, в августе и сентябре 1915 г. наблюдался всплеск политической активности в связи с выборами рабочих в военно-промышленные комитеты и роспуском Государственной думы, в январе 1915, 1916 и 1917 гг. – по случаю юбилея Кровавого воскресенья, а в октябре 1915 и 1916 гг. – в память Всероссийской политической стачки 1905 г. Напротив, экономические стачки в 1915 г. возобновились и постепенно нарастали, но и в 1916 г. их произошло на треть меньше, чем в 1913 г. И только в январе 1917 г. наблюдался резкий подъем забастовочного движения – произошло 389 стачек, в том числе 228 политических – почти столько же, сколько за весь 1916 г. (Стаечное движение, 1988: 482–483, 486). По сведениям И.И. Минца, всего произошло 400 стачек, в том числе 229 политических (Минц, 1967: 320). В феврале 1917 г. забастовки продолжали набирать силу, а с марта пошли на убыль.

Чем обусловлен подъем рабочего движения в январе и феврале 1917 г.? До конца 1916 г. все партии, за исключением большевиков и эсеров-интернационалистов, выступали против организации каких-либо массовых выступлений как наносивших вред делу обороны. Но с конца 1916 г. они отказались от моратория и перешли к активным действиям, направленным на смену монарха и создание правительства общественного доверия ради более успешного продолжения войны. Причем самыми активными организаторами протестов стали «рабочие группы» Центрального и Петроградского военно-промышленных комитетов. Несмотря на это, сила политического протеста рабочих даже в январе–феврале 1917 г. была существенно ниже, чем в 1905 г.: число политических

¹ За 1915–январь 1917 г. в опубликованных источниках и литературе фигурируют несколько отличные и даже противоречивые данные. Я отдаю предпочтение официальным данным Министерства торговли и промышленности.

демонстраций за 1914–1917 гг. почти в 7 раз меньше, чем за 1901–1904 гг. И лишь вследствие того, что почти все политические демонстрации в стране переместились в Петроград и Москву (Кирьянов, 1992: 91–96, 101–103), где концентрировалась политическая оппозиция монархии, они стали представлять опасность для режима.

Нарастание недовольства не было повсеместным – оно наблюдалось лишь в столицах и нескольких промышленных центрах, где концентрировалась оппозиция и проводились массовые PR-кампании. За 1915 г. в 22 из 44 губерний, охваченных учетом, число стачек за год не превышало 10, а в 10 губерниях – 5. На три губернии – Петроградскую, Московскую и Владимирскую – пришлось 81 % всех забастовщиков, в том числе на две первые – 53 %. За 1916 г. в 24 из 45 губерний число стачек не превышало 5, а 74,4 % всех забастовщиков приходилось на Петроградскую, Московскую, Владимирскую и Костромскую губернии, в том числе на первые две – 52,3 % (Статистический сборник, 1921: 151, 161). В январе 1917 г. лишь в 20 из 50 губерний Европейской России зафиксированы стачки. При этом 57 % всех стачек и 75 % политических стачек произошли в Петроградской и Московской губерниях, т. е. фактически в столицах (Стачечное движение, 1988: 482–483), 97 % политических демонстраций (32 из 33) – также в Петрограде и Москве (С 1 января по 23 февраля 1917 г.) (Кирьянов, 1992: 104–105; Лейберов, 1979: 25). В двух столицах накануне войны проживало около 3,8 млн. человек, в 45 губерниях – около 120 млн., следовательно, Петроград и Москва с окрестностями, где происходило больше половины стачек, по накалу забастовочного движения превосходили средний российский уровень примерно в 18 раз (ведущая роль Петрограда и Москвы давно отмечена историками: (Лейберов, 1979: 24–52; Рабочий класс, 1982: 331) (табл. 13).

Таблица 13. Численность бастовавших рабочих по губерниям в 1915–январе 1917 г.

Губерния	1915 г.		1916 г.		Январь 1917 г.	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Петроградская	130 126	24,1	361 867	38,2	103 276	42,3
Московская	155 846	28,9	133 629	14,1	53 857	22,1
Владимирская	151 796	28,1	120 028	12,7	16 918	6,9
Костромская	26 622	4,9	89 394	9,4	8464	3,5
Харьковская	5970	1,1	42 593	4,5	14 887	6,1
Орловская	2287	0,4	29 264	3,1	95	0,0
Тверская	6993	1,3	30 206	3,2	2335	1,0
Эстляндская	10 030	1,9	26 365	2,8	8735	3,6
По 8 губерниям	489 670	90,8	833 346	87,9	208 567	85,4
По 45 губерниям	539 280	100,0	947 891	100	244 144	100,0

Источники: (Статистический сборник, 1921: 151, 161; Стачечное движение, 1988: 482–483).

Главный фактор всплеска рабочего движения в январе–феврале 1917 г. – возросшая политическая активность, включая пропаганду, агитацию и пиар (Миронов, 2015а: 775–812) оппозиции, решившейся на свержение монархии. Выступления пролетариев тщательно готовились оппозицией (Кирьянов, 1992: 79–83, 89–91); ими манипулировали.

3.6. Влияние культуры рабочих на их участие в революционном движении

В 1917 г. рабочие превратились в объект манипулирования со стороны вождей революции благодаря объективным социально-экономическим факторам (тяготам военного времени, усталости от войны, неудачам на фронте и др.) и вследствие предрасположенности к радикализму и агрессивности (о чем шла речь выше). Но есть еще один важный фактор, который до сих пор не учитывался в историографии при оценке роли рабочих в революции – низкий уровень образования, когнитивного и культурного развития. По причине низкой культурности они не являлись и не могли превратиться в рабочий класс в марксистском смысле. В огромном большинстве они не осознавали себя как единое целое, не обладали социалистическим мировоззрением, не имели специфических целей и интересов и не претендовали на руководящую роль в революционном движении.

За исключением профессиональных революционеров-социал-демократов, основные идеи марксизма и научного социализма рабочим были чужды и непонятны. П.А. Дурново, министр внутренних дел в 1905–1906 гг., основываясь на сведениях полиции, утверждал, что народные массы исповедуют принципы «бессознательного социализма» – даровое наделение чужою землей крестьян и даровая передача всего капитала и прибылей фабрикантов рабочим. Чаще всего социализм представлялся пролетариям как «Царствие Божие на земле», «земной рай», «светлое будущее» или просто как хорошая и счастливая жизнь (Королев, 1997: 236–253). Конкретный рабочий, участвовавший в стачках начала XX в., «в понятия, которые формулировали лидеры партий, часто вкладывал другой смысл. Словом “революция” были воодушевлены небольшое число рабочих-активистов. Смутное представление у толп народа имелось о таких понятиях как “социализм”, “социалистическое общество”. Большинство вовлеченных в вихрь революции 1917 г. не вдумывалось в

содержание речей о демократических свободах, о достойных, правовых отношениях в сфере труда. В призывах "Долой самодержавие!", однозначно понимаемом революционными партиями, у определенной (и немалой!) части рабочих виделось не столько разрушительное, сколько созидательное начало, означавшее просто изменение порядков в обществе, соблюдение местной властью законного порядка вещей для сносных условий жизни» ([Трудовые конфликты, 2011: 430](#)). Так же мыслили передовые рабочие из агитационно-пропагандистского романа М. Горького «Мать» ([Горький, 1979](#)).

Даже в столице, где концентрировались самые «передовые рабочие», подавляющее их большинство не обладало социалистическим мировоззрением и накануне февральских событий 1917 г. Что говорить о провинции?! Мировоззрение за несколько месяцев не меняется, поэтому их отзывчивость на социалистическую пропаганду, замеченная после февраля 1917 г. ([McKean, 1990: 3](#)), свидетельствует лишь об изменении не кредо, а настроений. Сам термин «революция» был непонятным иностранным словом для всех «простых людей», не обремененных хорошим систематическим образованием ([Figes, 1998: 76](#); [Палеолог, 1923: 447](#)).

Подойдем к проблеме мировоззрения рабочих с психологической стороны. А могли ли российские рабочие начала XX в. в принципе сознательно обладать классовым пролетарским сознанием? Предполагаю, что нет. Для понимания столь сложной интеллектуальной конструкции, как социалистический символ веры, необходимо владеть абстрактным, или понятийным мышлением, т.е. способностью к формированию отвлеченных, опосредованных, не наглядных, чисто мысленных представлений о предметах, в которых обобщены основные свойства конкретных вещей, умением переводить информацию о реальных объектах в символы, манипулировать этими символами, находить решение и применять на практике. Неграмотный или малограмотный рабочий не владел абстрактным мышлением, поскольку оно вырабатывается в ходе продолжительного и систематического школьного обучения.

Согласно концепции когнитивного развития известного психолога Ж. Пиаже (1896–1980), интеллект человека проходит четыре качественно различные стадии развития, которые последовательно сменяют друг друга, и каждая из них опирается на достижения предыдущих ([Пиаже, 1992: 232–292](#)): 1) сенсомоторная в возрасте от рождения до 18 месяцев; 2) дооперационная в возрасте от 18 месяцев до 5 лет; 3) конкретных операций в возрасте 6–11 лет; 4) формальных операций в возрасте от 12 до 15 лет. Только на четвертой стадии индивид овладевает абстрактным мышлением, благодаря чему может размышлять не только о наличных, но и о гипотетических ситуациях – что могло бы быть. Однако четвертая стадия когнитивного развития человека появляется не стихийно, а в результате продолжительного и систематического школьного обучения. Она вовсе не появляется или появляется в ограниченной, менее общей форме у людей бесписьменных культур, в медленно развивающихся традиционных обществах и у неграмотных и малограмотных индивидов письменных цивилизаций. Например, в США конца XX в. до 30 % людей никогда не достигают стадии формальных операций ([Масионис, 2004: 176](#)).

Долю передовых рабочих, теоретически способных понимать символ социалистической веры и осознавать свое высокое предназначение как авангарда и субъекта революционной борьбы можно приблизительно оценить по данным об уровне образования рабочих. Если бы лица со средним и высшим образованием распределялись среди различных профессий равномерно и пропорционально численности данной профессии, то среди рабочих их доля была бы не больше, чем в среднем по России – 1,6 % в 1897 г. и 4 % в 1917 г. ([Мионов, 2012: 587](#)). Но люди со средним и высшим образованием крайне редко попадали в ряды рабочих, исключительно как деклассированные элементы. В 1897 г. доля грамотных среди рабочих составляла 58 %, среди работниц – 27 % ([Численность и состав, 1906: I–XX](#)), а у крестьян – соответственно 39 и 13 % ([Общий свод, 1905: 16–22, 64–67](#)). К 1918 г. процент грамотных рабочих повысился среди мужчин до 79 %, среди женщин – до 44 % ([подсчитано по: Фабрично-заводская промышленность, 1926](#)). Доля «передовых» рабочих была много ниже того процента людей с законченным и незаконченным средним и высшим образованием, который был достигнут всем населением страны – повторю: 1,6 % в 1897 г. и 4 % в 1917 г. *При таком низком интеллектуальном потенциале пролетариат не мог выполнять миссию, предназначенную ему марксизмом, – быть авангардом и гегемоном всех трудящихся.* В то же время рабочие охотно участвовали в революционном движении на ролях массовки или иногда выполняли, как говорят в театре, эпизодические роли третьего плана. Участие в революции в роли массовки де факто делало их марионетками в руках политических авантюристов, а, в случае если революция перерастала в вооруженное восстание или в гражданскую войну, – в пушечное мясо.

Роль массовки или марионеток была уготована пролетариям, в значительной мере даже предрешена, уровнем их когнитивного развития – тем, что неграмотные и малообразованные люди легко поддаются внушению и манипулированию, так как слушают скорее сердцем, чем умом. Прекрасный пример находим в романе М. Горького «Мать» в лице Пелагеи Власовой, полуграмотной женщины, включившейся в рабочее движение из-за любви к сыну и смутной мечты о справедливости на земле. Сопrotивляемость людей убеждающим призывам тем ниже, чем менее они образованы, чем меньше их представления опираются на знания. Они не умеют выдвигать контраргументы, что делает их уязвимыми для манипулирования. Податливость влиянию усиливается тогда, когда

происходят быстрые и радикальные изменения в окружающей обстановке и люди испытывают личный кризис убеждений. Находясь в толпе, человек особенно подвержен внушению и манипулированию, так как у него меняется протекание психических процессов, основными регуляторами поведения становятся инстинкты и эмоции (Зимбардо, Ляйпе, 2000: 248, 249, 251, 264; Шейнов, 2009), а рабочему часто приходилось быть в толпе и принимать решения под ее влиянием. Практики, связанные с выполнением приказов и требований, также развивают в людях внушаемость, а именно такой деятельностью рабочий или крестьянин большей частью занимался в семье, в общине, на фабрике. Под влиянием перечисленных факторов сообщество малограмотных людей легко поддается воздействию пропаганды, агитации и пиару, что создает реальную возможность для манипулирования их поведением. Это классически проявилось во время революции 1917 г.

Почему роль кукловода досталась большевикам? Рабочие, как малограмотные и неграмотные люди, воспитанные в авторитарно-патриархальной семье, испытывали потребность в руководстве, покровительстве и патернализме. Все партии претендовали на руководство в среде рабочих, хотели управлять ими и политически мобилизовать для реализации своих политических целей (Касимов, 1997: 288–303; Рабочие и интеллигенция, 1997: 415, 435). Каждая партия идентифицировала рабочих в соответствии со своими целями. Идентификация рабочих монархистами, либералами, социал-демократами или эсерами была актом собственной идентификации. Представление о силе и потенциале, которыми обладали рабочие в мирной модернизации страны для либералов или в насильственной смене режима для социал-демократов и социал-революционеров, являлось ключом для идентификации рабочих (Розенберг, 1997: 341). Благодаря конкуренции партий за пролетариев, последние получили возможность политического выбора между партиями (Хильдермайер, 1997: 448–449). Однако в конце концов роль руководителя досталась большевикам по нескольким причинам.

Во-первых, большевистская программа 1917 г. соответствовала представлениям рабочих как по своим целям, так по и средствам их достижения. Ее принципиальные пункты включали насильственную экспроприацию собственности и передачу ее рабочим, введение рабочего контроля и передачу власти советам. Эти требования были рождены отнюдь не пролетарским сознанием рабочих. Они отражали парадигмы крестьянского массового сознания, адаптировали к новым городским условиям принципы, на которых строилась жизнь сельской передельной общины. В требовании насильственной экспроприации, с одной стороны, отражалось убеждение крестьян, что если не собственность, то уж, во всяком случае, богатство есть кража (Латынина, 1993: 427–444), с другой – проявлялось крестьянское обычное право, допускавшее самосуд над ворами. В требовании рабочего контроля легко просматривается многовековая практика контроля общины над хозяйственной деятельностью ее членов. В требовании ввести советы слышится желание ввести самоуправление наподобие крестьянского общинного самоуправления, во главе которого много веков стоял крестьянский сход. Неслучайно рабочий контроль как подготовительный этап к экспроприации заводов и фабрик и советы как форма политической организации пролетариев были придуманы самими рабочими (Черняев, 1994). Как известно, в русской деревне земля принадлежала общине, и все ее члены пользовались ею на равных основаниях; производственная деятельность каждого осуществлялась по общему плану, который принимался на общем собрании крестьян; всей жизнью крестьян руководил сельский сход. Сокровенным желанием крестьян была конфискация всех помещичьих земель и передача их в общинную собственность, а после Столыпинской реформы – «черный передел», то есть экспроприация всех частновладельческих земель – и помещичьих, и выделившихся из общины крестьян – в пользу крестьянской общины (Байрау, 1992).

Во-вторых, только большевики сознательно и одновременно учились, как с помощью специальной «революционной техники» квалифицированно манипулировать массами, знали, чего они хотят и твердо шли к поставленной цели. Умелое использование «революционной технологии» позволило им взять под контроль Советы, фабзавкомы и профсоюзы. Большевизация масс к осени 1917 г. – результат манипулирования (Hook, 1975: 87–88; Кеер, 1976: 469–470; Лае, 1964: 127; Соболев, 1979: 186–191). Только большевики готовили рабочих на роль профессиональных революционеров в специальных партийных школах за границей (Шерпер, 1997). А их лидер тщательно штудировал литературу о том, как побеждать на войне и как захватывать власть. Большевики выпустили подавляющую часть революционных листовок, которые «формировали авторитарно-революционное мышление, влияя в совершенно определенном направлении на менталитет “униженных и оскорбленных”. Оно (авторитарно-революционное мышление. – Б.М.) порождало в народе и жажду реванша, прежде всего ненависть, злобу, зависть к “богатеям”, близко стоявшим к рабочим в повседневной жизни хозяевам промышленного производства, представителям фабрично-заводской администрации, а также раздражение в адрес царской бюрократии. Революционная агитация будила не только возвышенные, но и низменные чувства, весьма далекие от идеалов построения общества, основанного на подлинной демократии (даже в самом вольном ее понимании). Революционная агитация фактически вела и к малым внутренним войнам, и к большой гражданской войне – к революции». В подсознание рабочих закладывалось двойственное отношение к террору вообще и в целом позитивное отношению к террору против разного рода эксплуататоров (Трудовые конфликты, 2011: 444–445).

4. Заключение

Российские рабочие к 1917 г. не сформировались в класс и не обладали пролетарским социалистическим мировоззрением в марксистском смысле. Они приняли самое активное участие в революционном движении и в свержении монархии по причине фрустрированности, относительной депривации, неблагоприятной демографической структуры, податливости пропаганде и манипуляции, а не в силу своей революционности, организованности и сознательности. Сами большевики не обольщались на этот счет. В.И. Ленин писал в 1917 г.: «Мы прекрасно знаем, что пролетариат России менее организован, подготовлен и сознателен, чем рабочие других стран. Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть, очень короткое время застрельщиком революционного пролетариата всего мира» (Ленин, 1962: 91).

Вследствие предрасположенности рабочих к радикализму и агрессивности именно социал-демократическая программа – самая радикальная и активистская из всех политических программ, нашла у них отклик. Простые и понятные лозунги («Долой самодержавие», «Долой буржуев», «Долой Временное правительство», «Земля крестьянам, фабрики рабочим, мир народам» и т.п.), умелая агитация и пропаганда, большая налаженная организационная работа позволили им мобилизовать и использовать пролетариат как пушечное мясо революции, а потом и Гражданской войны.

Количество жертв собственно революционного насилия в 1917 г. только в Петрограде составило 1315 человек «убитыми, ранеными и ушибленными» (Мартьянов, 2003: 222). Однако это число меркнет перед людскими потерями в 1918–1922 гг. (вследствие гибели военных на войне, террора, избыточной смертности по причине эпидемий), которые оцениваются в интервале от 14 до 21 млн человек (Демографическая модернизация, 2006: 399–406; Исупов, 2000: 61–68). Абсолютное число рабочих в этих потерях сравнительно с крестьянством не велико. Однако процент потерь среди рабочих был намного больше, чем процент потерь среди крестьян и населения в целом. Численность населения России (в границах 1930 г.) с 1918 г. по 1922 г. уменьшилась с 140,9 млн. до 133,9 млн. – на 7 млн. или на 5,2 %, а численность рабочих ценовой промышленности – с 2 млн до 1,2 млн – на 0,8 млн. или на 40 % (Исупов, 2000: 58; История социалистической экономики, 1976, т. 1: 223; т. 2: 262–263, 354). Как видим, от «приступа революционной лихорадки» пролетариат пострадал особенно серьезно, служа тараном, с помощью которого политические авантюристы решали свои политические задачи.

Литература

- Актон, 2014 – Актон Э. Революция и ее историки // «Критический словарь» в контексте // Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 22–34.
- Байрау, 1992 – Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 19–32.
- Берви, 1938 – Берви-(Флеровский) В. В. Положение рабочего класса в России. М.: Соцэкгиз, 1938. 464 с.
- Биншток, Каминский, 1929 – Биншток В.И., Каминский Л.С. Народное питание и народное здоровье. М.; Л.: Госиздат, 1929. 90 с.
- Бовыкин, Бородкин, Кирьянов – Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И. Стачное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (опыт корреляционного анализа) // История СССР. 1986. № 6. С. 68–80.
- Большакова, 2009 – Большакова О.В. Русская революция глазами трех поколений американских историков (Обзор) // 1917 год. Россия революционная. 2-е изд. М.: ИНИОН РАН, 2009. С. 6–32.
- Валетов, 2007 – Валетов Т. Я. Фабричное законодательство в России до Октябрьской революции // Экономическое обозрение. 2007. Вып. 13. С. 34–44.
- Варзар, 1905 – Варзар В.Е. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 года. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1905. 80, 38 с.
- Варзар, 1910 – Варзар В.Е. Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1910. 72, 220 с.
- Волков, 1930 – Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.: Госиздат, 1930. 272 с.
- Волбуев, Гапоненко, 1968 – Волбуев П.В., Гапоненко Л.С. Рабочий класс России – гегемон социалистической революции // Вопросы истории. 1968. № 11. С. 3–20.
- Гапон, 1926 – Гапон Г.А. История моей жизни. 2-е изд. Л.: Прибой? 1926. 184 с.
- Гончаров, 1932 – Гончаров В. Январские дни 1905 г. в Петербурге // Каторга и ссылка. 1932. № 1. С. 144–174.
- Горький, 1979 – Горький М. Собр. соч.: в 16 т. М.: Правда, 1979. Т. 4. 398 с.

- Данилов, 2012** – Данилов А.А. Осмысление места и роли революции 1917 года в истории России современной учащейся молодежью // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: Сб. научных ст. (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.). М., 2012. С. 108–116.
- Дементьев, 1897** – Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. 2-е изд. М.: тип. И.Н. Кушнерев, 1897. 256, 39 с.
- Демографическая модернизация, 2006** – Демографическая модернизация России 1900–2000 / А.Г. Вишневский (ред.). М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
- Динамика, 1929** – Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за 40 лет (1887–1926 гг.) / В.А. Базаров и др. (ред.). Т. 1, ч. 1. М.; Л.: Госиздат, 1929. 325 с.
- Доклад, 1922** – Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9 января // Красная летопись. 1922. № 1. С. 330–338.
- Зимбардо, Ляйпе, 2000** – Зимбардо Ф., Ляйпе М. Социальное влияние. СПб.: Питер, 2000. 444 с.
- Иоффе, 1970** – Иоффе Г.З. Февральская революция 1917 года в англо-американской буржуазной историографии. М.: Наука, 1970. 252 с.
- История социалистической экономики, 1976** – История социалистической экономики СССР: в 7 т. / И.А. Гладков (ред.). М.: Наука, 1976–1980. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 479 с.
- История СССР, 1968** – История СССР. Первая серия: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 6 т. М., 1963–1968. Т. 6. 854 с.
- Исупов, 2000** – Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. 244 с.
- Каминский, 1987** – Каминский Л.С. Смертность и семейное состояние населения // Советская демография за 70 лет: из истории науки / Т.В. Рябушкин (ред.). М.: Наука, 1987. С. 229–238.
- Касимов, 1997** – Касимов А.С. Рабочие и демократическая интеллигенция Центрально-Черноземного района в социальных конфликтах и протестах конца XIX – начала XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 288–303.
- Кирьянов, 1979** – Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1979. 287 с.
- Кирьянов, 1992** – Кирьянов Ю.И. Демонстрации рабочих в 1914–феврале 1917 г. // Рабочий класс капиталистической России. Ю. И. Кирьянов, В. М. Шевырин(ред.). М.: ИНИОН, 1992. С. 67–109.
- Кирьянов, 2005** – Кирьянов Ю.И. Социально-политический протест рабочих в России в годы Первой мировой войны (июль 1914–февраль 1917 гг.). М.: ИВИ РАН, 2005. 215 с.
- Клейнборт, 1913** – Клейнборт Л. Вопросы чести и совести в рабочей среде // Современный мир. 1913. № 4. С. 22–45.
- Клепиков, 1911** – Клепиков А.К. Записки фабричного инспектора: (Из наблюдений и практики в период 1894–1908 гг.). М.: С. Дороватовский и А. Чарушников, 1911. 263 с.
- Королев, 1997** – Королев Г.И. Представления рабочих России конца XIX – начала XX в. о социализме // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 236–253.
- Красное движение, 2016** – Красное движение – Энциклопедия коммунизма // URL: <http://ir.spb.ru/krasnoe-dvizhenie/entsiklopediya-kommunizma/gegemoniya-proletariata.html> (дата обращения 8.04.2017).
- Критический словарь, 2014** – Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Актон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. 768 с.
- Латынина, 1993** – Латынина Ю. Собственность есть кража? // Русская философия собственности: XVIII–XX вв. / К. Исупов, И. Савкин (ред.). СПб.: изд-во СП «Ганза», 1993. С. 427–444.
- Лейберов, 1979** – Лейберов И.П. На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы первой мировой войны и Февр. революции (июль 1914 – март 1917 г.). М.: Мысль, 1979. 311 с.
- Ленин, 1962** – Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5–е изд.: В 55 т. М.: Политиздат, 1962. Т. 31. 671 с.
- Леонтьев, 1912** – Леонтьев В.В. Об изучении положения рабочих: Приемы исслед. и материалы. СПб.: тип. М. Волковича, 1912. 71 с.
- Линден, 1996** – Линден М. ван дер. Соединяя историю домашнего хозяйства с рабочей историей // Конец рабочей истории? / М. ван дер Линден (ред.). М.: Улисс, 1996. 261 с.
- Мартынов, 2003** – Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003. 448 с.
- Масионис, 2004** – Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 759 с.
- Матюшенский, 2006** – Матюшенский А.И. За кулисами гапоновщины. Исповедь // Красное знамя. Журнал политический и литературный. Париж. 1906. № 2. С. 89–135.
- Мендельсон, 1959** – Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов: в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1959. 767 с.
- Минц, 1967** – Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1967. 930 с.
- Минц, 1978** – Минц И.И. История Великого Октября: в 3 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Наука, 1978. 1151 с.

- Миронов, 1999** – *Миронов Б.Н.* «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история, 1998/1999. Ежегодник. М.: Росспэн, 1999. С. 244–283.
- Миронов, 2003** – *Миронов Б.Н.* Пришел ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146.
- Миронов, 2012** – *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
- Миронов, 2014** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 1. СПб.: Дм. Буланин, 2014. 896 с.
- Миронов, 2015a** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 2. СПб.: Дм. Буланин, 2015. 912 с.
- Миронов, 2015b** – *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дм. Буланин, 2015. 992 с.
- Народное хозяйство, 1924** – Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М.: Тип. МКХ, 1924. 350 с.
- Народное хозяйство, 1962** – Народное хозяйство СССР в 1961 году : стат. ежегодник. М.: Госстатиздат, 1962. 865 с.
- Невский, 1922** – *Невский В.И.* Январские дни в Петербурге 1905 года // *Красная летопись*. 1922. № 1. С. 13–74.
- Нюбергер, 1997** – *Нюбергер Дж.* Власть слова: Рабочие против хозяев в мировых судах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц. С.254–268;
- Общий свод, 1905** – Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб.: Н.Л. Ныркин, 1905. Т. 1. XXII+268+89 с.
- Пайпс, 2005** – *Пайпс Р.* Русская революция: в 2 ч. М.: Росспэн, 1994. 398, 584 с.
- Пайпс, 1997** – *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М.: Росспэн, 1997. 670 с.
- Палеолог, 1923** – *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М.; Пг.: Госиздат, 1923 г. 472 с.
- Пиаже, 1992** – *Пиаже Ж.* Теория Пиаже. Разд. III: Теория стадий // История зарубежной психологии. 30-е – 60-е годы XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. С. 232–292.
- Погожев, 1906** – *Погожев А.В.* Учет численности и состава рабочих в России: Материалы по статистике труда. СПб.: тип. Акад. Наук, 1906. 114, 224 с.
- Потолов, 1997** – *Потолов С.И.* Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг. «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861–февраль 1917 / С.И. Потолов (ред.). СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 530–541.
- Прокопович, 1952** – *Прокопович С.Н.* Народное хозяйство СССР: в 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. Т. 2. 355 с.
- Пушкарева, 2002** – *Пушкарева И.М.* Перспективы изучения рабочего движения в России в свете новых концепций // Труды Института российской истории РАН. 1999–2000. Вып. 3 / А.Н. Сахаров (ред.). М.: ИРИ РАН, 2002. С. 68–109.
- Пушкарева, 2007** – *Пушкарева И.М.* Возвращение к забытой теме: Массовое рабочее движение в начале XX века // *Отечественная история*. 2007. № 2. С. 101–120.
- Пушкарева, 2015** – *Пушкарева И.М.* Рабочее движение в России в годы Первой мировой войны (историографические заметки) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 90–105.
- Рабочие и интеллигенция, 1997** – Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. 639 с.
- Рабочий класс, 1982** – Рабочий класс России, 1907–февраль 1917 г. / В.Я. Лаврычев (ред.). М.: Наука, 1982. 464 с.
- Рабочий класс, 1989** – Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. / Ю.И. Кирьянов, М.С. Волин (ред.). 2-е изд. М.: Наука, 1989. 751 с.
- Распределение рабочих, 1905** – Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. / В.В. Степанов (ред.). СПб.: Н.Л. Ныркин, 1905. X, 49 с.
- Рашин, 1940** – *Рашин А.Г.* Формирование промышленного пролетариата в России: статистико-экономические очерки. М.: Соцэкгиз, 1940. 464 с.
- Рашин, 1956** – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Рашин, 1958** – *Рашин А.Г.* Формирование рабочего класса России: ист.-экон. очерки. М.: Соцэкгиз, 1958. 623 с.
- Редигер, 1913** – *Редигер А.Ф.* Комплектование и устройство вооруженной силы. 4-е изд. Ч. 1. СПб.: Тип. Николаевской военной акад., 1913. 263 с.

- Розенберг, 1996** – *Розенберг У.Г.* История России конца XIX – начала XX в. в зеркале американской историографии // Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков / А. Н. Сахаров (ред.). М.: Наука, 1996. С. 8–28.
- Розенберг, 1997** – *Розенберг У.* Представления либералов о рабочих России и их интересах // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С. И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 340–366.
- Розенберг, 2014** – *Розенберг У.Г.* Интерпретируя Русскую революцию // Критический словарь Русской революции. 1914–1921 гг. / Э. Акстон, У.Г. Розенберг, В.Ю. Черняев (сост.). СПб.: Нестор-История, 2014. С. 35–51.
- Россия, 1995** – Россия 1913 год: стат.-докум. Справ / А.М. Анфимов, А.П. Корелин (сост.); А.П. Корелин (ред.). СПб.: Блиц, 1995.
- Санитарное исследование, 1894, 1896** – Санитарное исследование фабрик и заводов Смоленской губернии. Вып. 1, 2 / Д. Н. Жбанков (сост.). Смоленск: Смолен. губ. Земство, 1894, 1896. 322; 478, 66 с.
- Сборник, 1881–1893** – Сборник статистических сведений по Московской губернии. Т. 3, вып. 1–15; Т. 4, ч. 1, 2. М.: Моск. губ. Земство, 1881–1893.
- Свавицкий, 1920** – *Свавицкий Н.А.* Питание московских рабочих во время войны (По данным артельного харчевания на фабриках Т-ва Прохоровской трехгорной мануфактуры и Т-ва А. Гюбнер) // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 70–100.
- Свод отчетов, 1903–1915** – Свод отчетов фабричных инспекторов за [1901–1914] год. СПб.: М-во фин., 1903–1915.
- Свод отчетов, 1910** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. СПб.: М-во фин., 1910. 50, 159 с.
- Свод отчетов, 1912** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1911 год. СПб.: М-во фин., 1912. CVI, 318 с.
- Свод отчетов, 1913** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 год. СПб.: М-во фин., 1913. XCIV, 325 с.
- Свод отчетов, 1914** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 год. СПб.: М-во фин., 1914. XCII, 319 с.
- Свод отчетов, 1915** – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1914 год. Пг.: тип. В.Ф. Киришбаума, 1915. LXXXIV, 291 с.
- Святополк-Мирский, 1936** – *Святополк-Мирский П.Д.* Доклад товарища министра вн. дел П.Д. Святополк-Мирского Николаю II о причинах и характере волнений рабочих Никольской мануфактуры, Обуховского, Невского и Балтийского судостроительных и Александровского механического заводов в мае 1901 г. // *Красный архив.* 1936. № 3. С. 49–66.
- Соболев, 1979** – *Соболев Г.Л.* Октябрьская революция в американской историографии, 1917–1970-е годы. Л.: Наука, 1979. 248 с.
- Статистический ежегодник, 1918** – Статистический ежегодник России, 1916 г. М.: тип. МСРСИКД, 1918. Вып. 1. 121 с.
- Статистический ежегодник, 1921** – Статистический ежегодник 1918–1920 гг.: в 2 вып. Вып. 1, ч. 1. М.: 14-я гос. тип., 1921. Отдел 8. Раздельная пагинация.
- Статистический сборник, 1921** – Статистический сборник за 1913–1917 гг.: в 2 вып. Вып. 1. М.: тип. МКХ, 1921. 277 с.
- Стачное движение, 1988** – Стачное движение рабочих России в годы первой мировой войны. Вып. 3–4. М.: Ин-т истории СССР, 1988. 508 с.
- Стейнберг, 1997** – *Стейнберг М.Д.* Представление о личности в среде рабочих интеллигентов // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г. / С.И. Потолов (ред.). СПб.: БЛИЦ, 1997. С. 96–113.
- Струмилин, 1923** – *Струмилин С.Г.* Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913–1922 гг. М.: Вопросы труда, 1923. 88 с.
- Тимофеев, 2000** – *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий // Антология социально-экономической мысли в России: Дореволюционный период / А.И. Кравченко (ред.). СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. ин-та, 2000. С. 744–779.
- Три революции, 1977** – Три революции в России и буржуазная историография / Б.И. Марушкин, Г.З. Иоффе, Н.В. Романовский. М.: Мысль, 1977. 279 с.
- Труд в СССР, 1930** – Труд в СССР, 1926–1930: справ. / Я.М. Бинеман (ред.). М.: Планхозгиз, 1930. 104 с.
- Трудовые конфликты, 2011** – Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX веков / И.М. Пушкарева (ред.). СПб.: Алетейя, 2011. 475 с.
- Фабрично-заводская промышленность, 1926** – Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг.: в 3 ч. Ч. 2: Профессиональная перепись. М.: ЦСУ, 1926. 796 с.
- Фельдман, 2006** – *Фельдман М.А.* Социокультурный облик рабочих уральской промышленности в 1900–1917 годах: историографические проблемы // История в меняющемся пространстве российской культуры / Н.Н. Алеврас (ред.). Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 297–311.

Фогт, 1990 – Фогт Г. Новые аспекты немарксистской литературы об Октябрьской революции // История СССР в современной западной немарксистской историографии: критический анализ / А.Н. Сахаров (ред.). М.: Наука, 1990. С. 24–46.

Фриз, 2000 – Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара: Самарский университет, 2000. С. 121–162.

Хеймсон, Бриан, 1992 – Хеймсон Л., Бриан Э. Стачечное движение России во время Первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв.: Мат. методы в ист. исслед. / Л.В. Милов (ред.). М.: Наука, 1992. С. 79–113.

Хеймсон, Петруша, 1985 – Хеймсон Л., Петруша П. Опыт математико-статистического исследования данных «Свода отчетов фабричных инспекторов» о стачках рабочих в России в 1912–1914 гг. // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. Под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1985. С. 112–137.

Хильдермайер, 1997 – Хильдермайер М. Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе (1900–1914) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С.И. Потолов (ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 304–326.

Черняев, 1994 – Черняев В.Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX – начало XX в.: Сб. ст. и материалов, посвящ. памяти О.Н. Знаменского / С.И. Потолов (ред.). СПб.: Глаголь, 1994. С. 164–177.

Численность и состав, 1906 – Численность и состав рабочих в России на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.: в 2 т. / В.В. Степанов (ред.). СПб.: Н.Л. Ныркин, 1906. Т. 1. XX, 322 с.

Чураков, 2001 – Чураков Д. Рабочая история начала XX века глазами современных историков // Альтернативы. 2001. № 4. С. 114–121.

Шеррер, 1997 – Шеррер Ю. Отношения между интеллигенцией и рабочими на примере партийных школ на Капри и в Болнье // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861–февраль 1917 г. / С.И. Потолов (отв. ред.). СПб.: Блиц, 1997. С. 542–555.

Шейнов, 2009 – Шейнов В.П. Скрытое управление человеком: психология манипулирования. М.; Минск: АСТ Харвест, 2009. 512 с.

Figes, 1998 – Figes O.A. People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books, 1998. 923 p.

Historical Statistics, 1975 – Historical Statistics of the United States : Colonial Times to 1970: in 2 pts. Pt. 1. Washington, DC: U. S. Department of Commerce, 1975. 1200 p.

Hook, 1975 – Hook S. Revolution, Reform and Social Justice: Studies in the Theory and Practice of Marxism. New York: New York University Press, 1975. 307 p.

Keep, 1976 – Keep J. The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: W.W. Norton & Co., 1976. 614 p.

Laue, 1964 – Laue Th.H. Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1964. 242 p.

McKean, 1990 – McKean R.B. Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907–February 1917. New Haven and London: Yale University Press, 1990. 606 p.

Mitchell, 1976 – Mitchell B.R. European Historical Statistics, 1750–1970. New York: Columbia University Press. 827 p.

Neuberger, 1993 – Neuberger J. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: University of California Press, 1993. Epilogue.

Perrie, 1987 – Perrie M. Review: The Russian Working Class, 1905–1917 // *Theory and Society*. 1987. Vol. 16, No. 3. pp. 431–446.

Ragsdale, 2003 – Ragsdale H. Comparative Historiography of the Social History of Revolutions: English, French, and Russian // *Journal of the Historical Society*. 2003. Vol. 3, Issue 3–4. June. pp. 323–372.

Smith, 1994 – Smith S. Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 46. No. 4. pp. 563–578.

Suny, 1994 – Suny R.G. Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics // *The Russian Review*. 1994. Vol. 53. pp. 165–182.

References

Akton, 2014 – Akton E. (2014). Revolyutsiya i ee istoriki: «Kriticheskii slovar'» v kontekste [Revolution and its historians: «Kriticheskii slovar'» in a context // *Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg.* [The critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921] / E. Akton, U.G. Rozenberg, V. Yu. Chernyaev (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 22–34 [in Russian].

Bairau, 1992 – Bairau D. (1992). Yanus v lapyakh: krest'yane v russkoi revolyutsii 1905–1917 [*Janus in bast shoes: peasants in the Russian revolution of 1905–1917*]. *Voprosy istorii*. 1992, nr 1, pp. 19–32 [in Russian].

Bervi, 1938 – Bervi-(Flerovskii) V.V. (1938). Polozhenie rabocheho klassa v Rossii [The conditions of the working class's life in Russia]. Moscow: Sotsekgiz. 464 p. [in Russian].

- Binshtok, Kaminskii, 1929** – *Binshtok V.I., Kaminskii L.S.* (1929). Narodnoe pitanie i narodnoe zdravie [People's food and people's health]. Moscow; Leningrad: Gosizdat. 90 p. [in Russian].
- Bol'shakova, 2009** – *Bol'shakova O.V.* (2009). Russkaya revolyutsiya glazami trekh pokolenii amerikanskikh istorikov (Obzor) [The Russian revolution through the eyes of three generations of the American historians (Review)] // 1917 god. Rossiya revolyutsionnaya [Revolutionary Russia]. 2nd ed. Moscow: INION RAN, pp. 6–32 [in Russian].
- Bovykin, Borodkin, Kir'yanov** – *Bovykin V.I., Borodkin L.I., Kir'yanov Yu.I.* (1986). Stachechnoe dvizhenie v Rossii v 1895–1913 gody: struktura i svyazi s razvitiem promyshlennosti i izmeneniem ekonomicheskogo polozheniya proletariata (opyt korrelyatsionnogo analiza) [The strike movement in Russia in 1895–1913: The structure and relations with development of the industry and change of an economic situation of the proletariat (the experience of the correlation analysis)]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR]. nr 6, pp. 68–80 [in Russian].
- Chernyaev, 1994** – *Chernyaev V.Yu.* (1994). Rabochii kontrol' i al'ternativy ego razvitiya v 1917 g. [Workers' control and alternatives to its development in 1917] // Rabochie i rossiiskoe obshchestvo. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.: Sb. st. i materialov, posvyashch. pamyati O.N. Znamenskogo [Collection of articles and materials, dedicated to the memory of O.N. Znamenskii] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Glagol", pp. 164–177 [in Russian].
- Chislennost' i sostav, 1906** – Chislennost' i sostav rabochikh v Rossii na osnovanii dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. [The number and composition of workers in Russia on the basis of the first Russian General census in 1897]: 2 vols. / V.V. Stepanov (ed.). St. Petersburg: N.L. Nyrkin, 1906. Vol. 1. XX, 322 p. [in Russian].
- Churakov, 2001** – *Churakov D.* (2001). Rabochaya istoriya nachala XX veka glazami sovremennykh istorikov [The working history of the early twentieth century through the eyes of modern historians]. Al'ternativy. nr 4, pp. 114–121 [in Russian].
- Danilov, 2012** – *Danilov A.A.* (2012). Osmyslenie mesta i roli revolyutsii 1917 goda v istorii Rossii sovremennoi uhashcheysya molodezh'yu [Understanding the place and role of the revolution of 1917 in Russian history by modern students // Rossiya i revolyutsiya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoi istorii (k 95-letiyu Fevralya–Oktyabrya 1917 g.) [Russia and revolution: past and present systemic crises in Russian history (to the 95th anniversary of February–October 1917)] / P.P. Marchenya (ed.). Moscow: APR, pp. 108–116 [in Russian].
- Dement'ev, 1897** – *Dement'ev E.M.* (1897). Fabrika, chto ona daet naseleniyu i chto ona u nego берет [Factory: that it gives to the people and that it takes from them]. 2nd ed. Moscow: tip. I.N. Kushnerev. 256, 39 p. [in Russian].
- Demograficheskaya modernizatsiya, 2006** – Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 [Demographic modernization of Russia, 1900–2000] / A.G. Vishnevskii (ed.). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 608 p. [in Russian].
- Dinamika, 1929** – Dinamika rossiiskoi i sovetskoi promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozyaistva za 40 let (1887–1926 gg.) [The dynamics of Russian and Soviet industry in connection with the development of the national economy for 40 years] / V.A. Bazarov etc. (eds.). Vol. 1, pt. 1. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1929. 325 p. [in Russian].
- Doklad, 1922** – Doklad direktora Departamenta politsii Lopukhina ministru vnutrennikh del o sobytiyakh 9 yanvarya [The report of the Director of the Police department, Lopukhin, to the Minister of Internal Affairs about the events of January 9]. *Krasnaya letopis'*. 1922, nr 1, pp. 330–338 [in Russian].
- Fabrichno-zavodskaya promyshlennost', 1926** – Fabrichno-zavodskaya promyshlennost' v period 1913–1918 gg. [Factory industry during the period 1913–1918]: 3 pts. Pt. 2: Promyshlennaya perepis' [Industrial census]. Moscow: TsSU, 1926. 796 p. [in Russian].
- Fel'dman, 2006** – *Fel'dman M.A.* (2006). Sotsiokul'turnyi oblik rabochikh ural'skoi promyshlennosti v 1900–1917 godakh: istoriograficheskie problemy [Socio-cultural image of the workers of the Ural industry in 1900–1917: The historiographical problems] // Istoriya v menyayushchemsya prostranstve rossiiskoi kul'tury [History in the changing space of Russian culture] / N.N. Alebras (ed.). Chelyabinsk: Kamennyi poyas, pp. 297–311 [in Russian].
- Figes, 1998** – *Figes O.A.* (1998). People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. New York, NY: Penguin Books. 923 p.
- Fogt, 1990** – *Fogt G.* (1990). Novye aspekty nemarksistskoi literatury ob Oktyabr'skoi revolyutsii [New aspects of non-Marxist literature about the October revolution] // Istoriya SSSR v sovremennoi zapadnoi nemarksistskoi istoriografii: kriticheskii analiz [The history of the Soviet Union in modern Western non-Marxist historiography: A critical analysis] / A. N. Sakharov (ed.). Moscow: Nauka, pp. 24–46 [in Russian].
- Friz, 2000** – *Freeze G.L.* (2000). Soslovnaya paradigma i sotsial'naya istoriya Rossii [The estate paradigm and Russia social history] // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period: Antologiya [American Russian studies: Milestones in the historiography of recent years. The Imperial period: An anthology]. Samara: Samarskii universitet, pp. 121–162 [in Russian].
- Gapon, 1926** – *Gapon G.A.* (1926). Istoriya moei zhizni [The story of my life]. 2nd ed. Leningrad: Priboi. 184 p. [in Russian].

- Goncharov, 1932** – *Goncharov V.* (1932). Yanvarskie dni 1905 g. v Peterburge [January days of 1905 in St. Petersburg]. *Katorga i ssylka* [Servitude and exile]. nr 1, pp. 144–174 [in Russian].
- Gor'kii, 1979** – *Gor'kii M.* (1979). Sobr. soch.: 16 vols. [Collected works: in 16 vols.]. Moscow: Pravda, 1979. Vol. 4. 398 p. [in Russian].
- Historical Statistics, 1975** – Historical Statistics of the United States : Colonial Times to 1970: in 2 pts. Pt. 1. Washington, DC: U. S. Department of Commerce, 1975. 1200 p.
- Hook, 1975** – *Hook S.* (1975). Revolution, Reform and Social Justice: Studies in the Theory and Practice of Marxism. New York: New York University Press. 307 p.
- Ioffe, 1970** – *Ioffe G.Z.* (1970). Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda v anglo-amerikanskoj burzhuaznoj istoriografii [The February revolution of 1917 in the English and American bourgeois historiography]. Moscow: Nauka. 252 p. [in Russian].
- Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki, 1976** – Istoriya sotsialisticheskoi ekonomiki SSSR [History of the socialist economy of the USSR]: 7 vols. / I.A. Gladkov (ed.). Moscow: Nauka, 1976–1980. Vol. 1. 448 p.; Vol. 2. 479 p. [in Russian].
- Istoriya SSSR, 1968** – Istoriya SSSR. Pervaya seriya: S drevneishikh vremen do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [History of the USSR. The first series: from the earliest times to the Great October socialist revolution]: v 6 t. M., 1963–1968. Vol. 6. 854 p. [in Russian].
- Isupov, 2000** – *Isupov V.A.* (2000). Demograficheskie katastrofy i krizisy v Rossii v pervoi polovine XX veka [Demographic catastrophes and crises in Russia in the first half of the twentieth century]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 244 p. [in Russian].
- Kaminskii, 1987** – *Kaminskii L.S.* (1987). Smertnost' i semeinoe sostoyanie naseleniya [Mortality and marital status of the population] // Sovetskaya demografiya za 70 let: iz istorii nauki [Soviet demography for 70 years: from the history of the science] / T.V. Ryabushkin (ed.). Moscow: Nauka, pp. 229–238 [in Russian].
- Kasimov, 1997** – *Kasimov A.S.* (1997). Rabochie i demokraticeskaya intelligentsiya Tsentral'no-Chernozemnogo raiona v sotsial'nykh konfliktakh i protestakh kontsa XIX – nachala XX v. [The workers and democratic intelligentsia of the Central black earth area in social conflicts and protests in the late 19th–early 20th centuries] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 288–303 [in Russian].
- Keep, 1976** – *Keep J.* (1976). The Russian Revolution: A Study in Mass Mobilization. New York: W.W. Norton & Co., 1976. 614 p.
- Kheimson, Brian, 1992** – *Haimson L., Brian E.* (1992). Stachechnoe dvizhenie Rossii vo vremya Pervoi mirovoi voyny: kolichestvennyi analiz i interpretatsiya [The strike movement in Russia during the First World War: quantitative analysis and interpretation] // Rossiya i SShA na rubezhe XIX–XX vv.: Mat. metody v ist. isled. [Russia and the United States at the turn of 19th–20th centuries: Mathematical methods in historical research] / L.V. Milov (ed.). Moscow: Nauka, pp. 79–113 [in Russian].
- Kheimson, Petrusha, 1985** – *Haimson L., Petrusha P.* (1985). Opyt matematiko-statisticheskogo issledovaniya dannykh «Svoda otchetov fabrichnykh inspektorov» o stachkakh rabochikh v Rossii v 1912–1914 gg. [Experience in the mathematical and statistical analysis of data from «A compendium of the factory inspectors' reports» about workers' strikes in Russia in 1912–1914] // Matematicheskie metody i EVM v istoricheskikh issledovaniyakh [Mathematical methods and computers in the historical researches] / I.D. Koval'chenko (ed.). Moscow: Nauka, pp. 112–137 [in Russian].
- Khil'dermaier, 1997** – *Khil'dermaier M.* (1997). Predstavleniya partii sotsialistov-revolutsionerov o rabochem klasse (1900–1914) [The representations of the party of socialists-revolutionaries on the working class (1900–1914)] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 304–326 [in Russian].
- Kir'yanov, 1979** – *Kir'yanov Yu.I.* (1979). Zhiznennyyi uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [The living standards of workers in Russia (the end of 19th–early 20th centuries)]. Moscow: Nauka. 287 p. [in Russian].
- Kir'yanov, 1992** – *Kir'yanov Yu.I.* (1992). Demonstratsii rabochikh v 1914–fevrale 1917 g. [Workers' demonstrations in 1914–February 1917] // Rabochii klass kapitalisticheskoi Rossii [The working class in the capitalist Russia]. Yu. I. Kir'yanova, V. M. Shevyrina (eds.). Moscow: INION, pp. 67–109 [in Russian].
- Kir'yanov, 2005** – *Kir'yanov Yu.I.* (2005). Sotsial'no-politicheskii protest rabochikh v Rossii v gody Pervoi mirovoi voyny (iyul' 1914–fevral' 1917 gg.) [Socio-political protest of Russian workers during the First World War (July 1914–February 1917)]. Moscow: IVI RAN. 215 p. [in Russian].
- Kleinbort, 1913** – *Kleinbort L.* (1913). Voprosy chesti i sovesti v rabochei srede [Problems of honor and conscience among the workers]. *Sovremennyyi mir*. nr 4, pp. 22–45 [in Russian].
- Klepikov, 1911** – *Klepikov A.K.* (1911). Zapiski fabrichnogo inspektora: (Iz nablyudenii i praktiki v period 1894–1908 gg.) [Factory inspector's notes: (Observations and practices in the period 1894–1908)]. Moscow: S. Dorovatovskii i A. Charushnikov. 263 p. [in Russian].
- Korolev, 1997** – *Korolev G.I.* (1997). Predstavleniya rabochikh Rossii kontsa XIX – nachala XX v. o sotsializme [Representations of the Russian workers about socialism in the late 19th – early 20th centuries] //

Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 236–253 [in Russian].

Krasnoe dvizhenie, 2016 – Krasnoe dvizhenie – Entsiklopediya kommunizma [Red movement – Encyclopedia of communism] // URL: <http://ir.spb.ru/krasnoe-dvizhenie/entsiklopediya-kommunizma/gegemoniya-proletariata.html> (date of access 8.04.2016) [in Russian].

Kriticheskii slovar', 2014 – Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg. [The critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921] / E. Akton, U.G. Rozenberg, V.Yu. Chernyaev (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 768 p. [in Russian].

Latynina, 1993 – *Latynina Yu.* (1993). Sobstvennost' est' krazha? [Property is theft?] // Russkaya filosofiya sobstvennosti: XVIII–XX vv. [Russian philosophy of property: 18th–20th centuries.] / K. Isupov, I. Savkin (ed.). St. Petersburg: izd-vo SP «Ganza», pp. 427–444 [in Russian].

Laue, 1964 – *Laue Th.H.* (1964). Why Lenin? Why Stalin? A Reappraisal of the Russian Revolution, 1900–1930. Philadelphia: J.B. Lippincott. 242 p.

Leiberov, 1979 – *Leiberov I.P.* (1979). Na shturm samoderzhaviya: Petrogradskii proletariat v gody pervoi mirovoi voiny i Fevr. revolyutsii (iyul' 1914 – mart 1917 g.) [To the assault on the autocracy: the Petrograd proletariat in the First World War and the February revolution (July 1914 – March 1917)]. Moscow: Mysl'. 311 p. [in Russian].

Lenin, 1962 – *Lenin V.I.* (1962). Poln. sobr. Soch [Full. Coll. Op.]. 5th ed.: 55 vols. Moscow: Politizdat. Vol. 31. 671 p. [in Russian].

Leont'ev, 1912 – *Leont'ev V.V.* (1912). Ob izuchenii polozheniya rabochikh: Priemy issled. i materialy [About the study the workers' conditions of life: Research methods and materials]. St. Petersburg: tip. M. Volkovicha. 71 p. [in Russian].

Linden, 1996 – *Linden M. van der.* (1996). Soedinyaya istoriyu domashnego khozyaistva s rabochei istoriei // Konets rabochei istorii? [The end of labour history?] / M. van der Linden (ed.). Moscow: Uliss. 261 p. [in Russian].

Martynov, 2003 – *Martynov E.I.* (2003). Politika i strategiya [Policy and strategy]. Moscow: Finansovyi kontrol'. 448 p. [in Russian].

Masionis, 2004 – *Masionis Dzh.* (2004). Sotsiologiya [Sociology]. 9th ed. St. Petersburg: Piter. 759 p. [in Russian].

Matyushenskii, 2006 – *Matyushenskii A.I.* (1906). Za kulisami gaponovshchiny. Ispoved' [Behind the scenes of Gaponovschina. Confession]. *Krasnoe znamya*. Paris. 1906, nr 2, pp. 86–101.

McKean, 1990 – *McKean R.B.* (1990). Petersburg between the Revolutions: Workers and Revolutionaries, June 1907–February 1917. New Haven and London: Yale University Press. 606 p.

Mendel'son, 1959 – *Mendel'son L.A.* (1959). Teoriya i istoriya ekonomicheskikh krizisov i tsiklov [Theory and history of economic crises and cycles]: 2 vols. 2nd ed. T. 2. Moscow: Sotsekgiz. 767 p. [in Russian].

Mints, 1967 – *Mints I.I.* (1967). Istoriya Velikogo Oktyabrya [The history of the Great October revolution]: 3 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka. 930 p. [in Russian].

Mints, 1978 – *Mints I.I.* (1978). Istoriya Velikogo Oktyabrya [The history of the Great October revolution]: 3 vols. Vol. 2. Moscow: Nauka. 1151 p. [in Russian].

Mironov, 1999 – *Mironov B.N.* (1999). «Poslal Bog rabotu, da otnyal chert okhotu»: trudovaya etika rossiiskikh rabochikh v poreformennoe vremya [“God sent the job, the hell took away the hunt”: the work ethics of the Russian workers in the post reform era] // Sotsial'naya istoriya [Social History], 1998/1999. Ezhegodnik [Yearbook]. Moscow: Rosspen, pp. 244–283. [in Russian].

Mironov, 2003 – *Mironov B.N.* (2003). Prishel li postmodernizm v Rossiyu? Zametki ob antologii «Amerikanskaya rusistika». *Otechestvennaya istoriya*. nr 3, pp. 135–146. [in Russian].

Mironov, 2012 – *Mironov B.N.* (2012). Blagosostoyanie naseleniya i revolyutsii v imperskoi Rossii: XVIII – nachalo XX v. [The well-being of the population and the revolutions in Imperial Russia: the 18th – early 20th centuries]. 2nd ed. Moscow: Ves' mir. 848 p. [in Russian].

Mironov, 2014 – *Mironov B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 896 p. [in Russian].

Mironov, 2015a – *Mironov B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 vols. Vol. 2. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 912 p. [in Russian].

Mironov, 2015b – *Mironov B.N.* (2015). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: from tradition to modernity]: 3 vols. Vol. 3. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 996 p. [in Russian].

Mitchell, 1976 – *Mitchell B.R.* (1876). European Historical Statistics, 1750–1970. New York: Columbia University Press. 827 p.

Narodnoe khozyaistvo, 1924 – Narodnoe khozyaistvo Soyuza SSR v tsifrakh [The national economy of the USSR in figures]. Moscow: Tip. MKKh, 1924. 350 p. [in Russian].

Narodnoe khozyaistvo, 1962 – Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1961 godu: stat. ezhegodnik [National economy of the USSR in 1961: statistical yearbook]. Moscow: Gosstatizdat, 1962. 865 p. [in Russian].

Neuberger, 1993 – *Neuberger J.* (1993). Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley: University of California Press. Epilogue.

- Nevskii, 1922** – *Nevskii V.I.* (1922). Yanvarskie dni v Peterburge 1905 goda [The January days of 1905 in St. Petersburg]. *Krasnaya letopis'*. nr 1, pp. 13–74 [in Russian].
- Nyuberger, 1997** – *Nyuberger Dzh.* (1997). Vlast' slova: Rabochie protiv khozyaev v mirovykh sudakh [The power of words: workers versus employers in the justice of the peace] // *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g.* [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S. I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 254–268 [in Russian].
- Obshchii svod, 1905** – *Obshchii svod po imperii rezul'tatov razrabotki dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya, proizvedennoi 28 yanvarya 1897 g.* [General compendium of the results of the first Russian general census produced January 28, 1897]: 2 vols. St. Petersburg: N.L. Nyrkin, 1905. Vol. 1. XXII+268+89 p. [in Russian].
- Paips, 1997** – *Pipes R.* (1997). Rossiya pri bol'shevikakh [Russia under the Bolsheviks]. Moscow: Rosspen. 670 p. [in Russian].
- Paips, 2005** – *Pipes R.* (2005). Russkaya revolyutsiya [The Russian revolution]: 2 parts. Moscow: Rosspen, 398, 584 p. [in Russian].
- Paleolog, 1923** – *Paleolog M.* (1923). Tsarskaya Rossiya nakanune revolyutsii [Tsarist Russia on the eve of the revolution]. Moscow; Petrograd: Gosizdat, 472 p. [in Russian].
- Perrie, 1987** – *Perrie M.* (1987). Review: The Russian Working Class, 1905–1917. *Theory and Society*. Vol. 16, No. 3. P. 431–446.
- Piazhe, 1992** – *Piazhe Zh.* (1992). Teoriya Piazhe. Razd. III: Teoriya stadii [The theory of Piaget. Sec. III: Theory of stages] // *Istoriya zarubezhnoi psikhologii. 30–60-e gody XX veka* [History of foreign psychology. 30s – 60s years of the 20th century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 232–292 [in Russian].
- Pogozhev, 1906** – *Pogozhev A.V.* (1906). Uchet chislennosti i sostava rabochikh v Rossii: Materialy po statistike truda [Registration of the size and composition of workers in Russia: Data on labor statistics]. St. Petersburg: tip. Akad. Nauk. 114, 224 p. [in Russian].
- Potolov, 1997** – *Potolov S.I.* (1997). Peterburgskie rabochie i intelligentsiya nakanune revolyutsii 1905–1907 gg. «Sobranie russkikh fabrichno-zavodskikh rabochikh g. S.-Peterburga» [St. Petersburg workers and intelligentsia on the eve of the revolution of 1905–1907 «Assembly of Russian factory workers of St. Petersburg»] // *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii. 1861–fevral' 1917* [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 530–541 [in Russian].
- Prokopovich, 1952** – *Prokopovich S.N.* (1952). Narodnoe khozyaistvo SSSR [National economy of the USSR]: 2 vols. New York: Izd-vo Chekhova, Vol. 2. 355 p. [in Russian].
- Pushkareva, 2002** – *Pushkareva I.M.* (2002). Perspektivy izucheniya rabocheho dvizheniya v Rossii v svete novykh kontseptsii [Perspectives for the study of the labor movement in Russia in the light of new concepts] // *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN. 1999–2000.* [Proceedings of the Institute of Russian history RAS. 1999–2000. Issue 3 / A.N. Sakharov (ed.). Moscow: IRI RAN, pp. 68–109 [in Russian].
- Pushkareva, 2007** – *Pushkareva I.M.* (2007). Vozvrashchenie k zabytoi teme: Massovoe rabochee dvizhenie v nachale XX veka [Coming back to a forgotten theme: the Mass labor movement in the early 20th century]. *Otechestvennaya istoriya*. nr 2, pp. 101–120 [in Russian].
- Pushkareva, 2015** – *Pushkareva I.M.* (2015). Rabochee dvizhenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny (istoriograficheskie zametki) [The labor movement in Russia during the First world war (historiographical notes)]. *Rossiiskaya istoriya*. nr 3, pp. 90–105 [in Russian].
- Rabochie i intelligentsiya, 1997** – *Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g.* [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, 1997. 639 p. [in Russian].
- Rabochii klass, 1982** – *Rabochii klass Rossii, 1907–fevral' 1917 g.* [The working class of Russia, 1907–February 1917] / V.Ya. Laverychev (ed.). Moscow: Nauka, 1982. 464 p. [in Russian].
- Rabochii klass, 1989** – *Rabochii klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v.* [The working class of Russia from inception to the beginning of the 20th century] / Yu.I. Kir'yanov, M.S. Volin (ed.). 2nd ed. Moscow: Nauka, 1989. 751 p. [in Russian].
- Ragsdale, 2003** – *Ragsdale H.* (2003). Comparative Historiography of the Social History of Revolutions: English, French, and Russian. *Journal of the Historical Society*. Vol. 3, Issue 3–4. June. pp. 323–372.
- Rashin, 1940** – *Rashin A.G.* (1940). Formirovanie promyshlennogo proletariata v Rossii: statistiko-ekonomicheskie ocherki [The formation of the industrial proletariat in Russia: statistical and economic essays]. Moscow: Sotsekgiz. 464 p. [in Russian].
- Rashin, 1956** – *Rashin A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Stat. ocherki [The population of Russia for 100 years (1811–1913): Statistical essays.]. Moscow: Gosstatizdat. 352 p. [in Russian].
- Rashin, 1958** – *Rashin A.G.* (1958). Formirovanie rabocheho klassa Rossii: ist.-ekon. Ocherki [Formation of the working class of Russia: historical and economic essays]. Moscow: Sotsekgiz. 623 p. [in Russian].
- Raspredelenie rabochikh, 2005** – *Raspredelenie rabochikh i prislugi po gruppam zanyatii i po mestu rozhdeniya na osnovanii dannykh pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii 28 yanvarya*

1897 g. [The distribution of workers and domestic workers by groups of occupations and place of birth on the basis of the first Russian General census on January 28, 1897 / V.V. Stepanov (ed.). St. Petersburg: N.L. Nyrkin, 1905. X, 49 p. [in Russian].

Rediger, 1913 – *Rediger A.F.* (1913). Komplektovanie i ustroistvo vooruzhennoi sily [Recruitment and organization of armed forces]. 4th ed. Pt. 1. St. Petersburg: Tip. Nikolaevskoi voennoi akad. 263 p. [in Russian].

Rossiya, 1995 – Rossiya 1913 god: stat.-dokum. sprav [Russia, 1913: statistical-documentary Handbook] / A.M. Anfimov, A.P. Korelin (sost.); A.P. Korelin (ed.). SPb.: Blits, 1995. [in Russian].

Rozenberg, 1996 – *Rozenberg U.G.* (1996). Istoriya Rossii kontsa XIX – nachala XX v. v zerkale amerikanskoi istoriografii [The Russian history of late 19th – early 20th centuries in the mirror of American historiography] // Rossiya XIX–XX vv.: Vzgl'yad zarubezhnykh istorikov [Russia of 19th–20th centuries: The opinion of foreign historians] / A. N. Sakharov (ed.). Moscow: Nauka, p. 8–28 [in Russian].

Rozenberg, 1997 – *Rozenberg U.G.* (1997). Predstavleniya liberalov o rabochikh Rossii i ikh interesakh [The representations of the liberals on Russia's workers and their interests] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S. I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 340–366 [in Russian].

Rozenberg, 2014 – *Rozenberg U.G.* (2014). Interpretiruya Russkuyu revolyutsiyu [Interpreting the Russian revolution] // Kriticheskii slovar' Russkoi revolyutsii. 1914–1921 gg. [The critical dictionary of the Russian revolution. 1914–1921] / E. Akton, U.G. Rozenberg, V. Yu. Chernyaev (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, pp. 35–51 [in Russian].

Sanitarnoe issledovanie, 1894, 1896 – Sanitarnoe issledovanie fabrik i zavodov Smolenskoii gubernii [Sanitary investigation of factories and plants in Smolensk province]. Issues 1, 2 / D.N. Zhbakov (ed.). Smolensk: Smolen. gub. zemstvo, 1894, 1896. 322; 478, 66 p.

Sbornik, 1881–1893 – Sbornik statisticheskikh svedenii po Moskovskoi gubernii [Collection of statistical data on the Moscow province]. Vol. 3, issues. 1–15; Vol. 4, pt. 1, 2. Moscow: Mosk. gub. zemstvo, 1881–1893. [in Russian].

Sheinov, 2009 – *Sheinov V.P.* (2009). Skrytoe upravlenie chelovekom: psikhologiya manipulirovaniya [The latent controlling of the person: the psychology of manipulation]. Moscow; Minsk: AST Kharvest. 512 p. [in Russian].

Sherrer, 1997 – *Sherrer Yu.* (1997). Otnosheniya mezhdru intelligentsiei i rabochimi na primere partiinykh shkol na Kapri i v Bolon'e [The relationship between the intelligentsia and the workers on the example of the party schools in Capri and Bologna] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S. I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, pp. 542–555 [in Russian].

Smith, 1994 – *Smith S.* (1994). Writing the History of the Russian Revolution after the Fall of Communism. *Europe-Asia Studies*. Vol. 46. No. 4. P. 563–578.

Sobolev, 1979 – *Sobolev G.L.* (1979). Oktyabr'skaya revolyutsiya v amerikanskoi istoriografii, 1917–1970-e gody [The October revolution in American historiography, 1917–1970]. Leningrad: Nauka, 1979. 248 p. [in Russian].

Stachechnoe dvizhenie, 1988 – Stachechnoe dvizhenie rabochikh Rossii v gody pervoi mirovoi voiny [The strike movement of the workers of Russia during the First World War]. Issues 3–4. Moscow: In-t istorii SSSR, 1988. 508 p. [in Russian].

Statisticheskii ezhegodnik, 1918 – Statisticheskii ezhegodnik Rossii, 1916 g. [Statistical Yearbook of Russia, 1916] Moscow: tip. MSRSiKD, 1918. Issue 1. 121 p. [in Russian].

Statisticheskii ezhegodnik, 1921 – Statisticheskii ezhegodnik 1918–1920 gg. [Statistical Yearbook, 1918–1920]: 2 issues. Issue 1, pt. 1. Moscow: 14-ya gos. tip., 1921. Otdel 8. [in Russian].

Statisticheskii sbornik, 1921 – Statisticheskii sbornik za 1913–1917 gg. [Statistical compendium for 1913–1917]: 2 issues. Issue 1. Moscow: tip. MKKh, 1921. 277 p. [in Russian].

Steinberg, 1997 – *Steinberg M.D.* (1997). Predstavlenie o lichnosti v srede rabochikh intelligentov [The representation of the personality in the environment of intelligent workers] // Rabochie i intelligentsiya Rossii v epokhu reform i revolyutsii: 1861–fevral' 1917 g. [Workers and intelligentsia in the epoch of reforms and revolutions, 1861–February 1917] / S.I. Potolov (ed.). St. Petersburg: Blits, 1997, pp. 96–113 [in Russian].

Strumilin, 1923 – *Strumilin S.G.* (1923). Zarabotnaya plata i proizvoditel'nost' truda v russkoi promyshlennosti v 1913–1922 gg. [Wages and labor productivity in the Russian industry in 1913–1922]. Moscow: Voprosy truda, 1923. 88 p. [in Russian].

Strumilin, 1966 – *Strumilin S.G.* (1966). Ocherki ekonomicheskoi istorii Rossii i SSSR [Essays on the economic history of Russia and the Soviet Union]. Moscow: Nauka, 1966. 514 p. [in Russian].

Suny, 1994 – *Suny R.G.* (1994). Revision and Retreat in the Historiography of 1917: Social History and Its Critics. *The Russian Review*. Vol. 53. pp. 165–182.

Svavitskii, 1920 – *Svavitskii N.A.* (1920). Pitanie moskovskikh rabochikh vo vremya voiny (Po dannym artelnogo kharchevaniya na fabrikakh T-va Prokhorovskoi trekhgornoii manufakturny i T-va A. Gyubner) [The diet of the Moscow workers during the war (by the data of artel nutrition in the factories belonging to joint-stock company Prokhorovskaya Trekhgornij manufactory and joint-stock company A. Gubner)]. *Vestnik statistiki*. nr 9–12, pp. 70–100 [in Russian].

Svod otchetov, 1903–1915 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za [1901–1914] god [A compendium of the factory inspectors' reports for the (1901 to 1914) year]. St. Petersburg: M-vo fin., 1903–1915. [in Russian].

Svod otchetov, 1910 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1908 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1908]. St. Petersburg: M-vo fin., 1910. 50, 159 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1912 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1911 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1911]. St. Petersburg: M-vo fin., 1912. CVI, 318 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1913 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1912 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1912]. St. Petersburg: M-vo fin., 1913. XCIV, 325 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1914 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1913 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1913]. St. Petersburg: M-vo fin., 1914. XCII, 319 p. [in Russian].

Svod otchetov, 1915 – Svod otchetov fabrichnykh inspektorov za 1914 god [A compendium of the factory inspectors' reports for the 1914]. Petrograd: tip. V.F. Kirshbauma, 1915. LXXXIV, 291 p. [in Russian].

Svyatopolk-Mirskii, 1936 – *Svyatopolk-Mirskii P.D.* (1936). Doklad tovarishcha ministra vn. del P.D. Svyatopolk-Mirskogo Nikolayu II o prichinakh i kharaktere volnenii rabochikh Nikol'skoi manufakturny, Obukhovskogo, Nevskogo i Baltiiskogo sudostroitel'nykh i Aleksandrovskego mekhanicheskogo zavodov v mae 1901 g. [The report of the Deputy Minister of Internal Affairs P. D. Svyatopolk-Mirsky to Nicholas II on the causes and nature of workers' unrest at Nikol'skaya manufactory, Obukhov, at Baltic Nevsky shipyards and at the Alexandrovsky mechanical plant in May 1901]. *Krasnyi arkhiv*. nr 3, pp. 49–66.

Timofeev, 2000 – *Timofeev P.* (2000). Chem zhivet zavodskoi rabochii [What the factory worker lives by] // *Antologiya sotsial'no-ekonomicheskoi mysli v Rossii: Dorevolutsionnyi period* [Anthology of the socio-economic ideas in Russia: The pre-revolutionary period] / A. I. Kravchenko (ed.). St. Petersburg: Izd-vo Rus. khristian. gumanit. in-ta, pp. 744–779 [in Russian].

Tri revolyutsii, 1977 – *Tri revolyutsii v Rossii i burzhuaznaya istoriografiya* [Three revolutions in Russia and bourgeois historiography] / B.I. Marushkin, G.Z. Ioffe, N.V. Romanovskii. Moscow: Mysl', 1977. 279 p. [in Russian].

Trud v SSSR, 1930 – *Trud v SSSR, 1926–1930: sprav.* [Work in the USSR, 1926–1930: A handbook] / Ya.M. Bineman (ed.). Moscow: Plankhozgiz, 1930. 104 p. [in Russian].

Trudovye konflikty, 2011 – *Trudovye konflikty i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Labor conflicts and the labor movement in Russia at the turn of the 19th–20th centuries] / I.M. Pushkareva (ed.). St. Petersburg: Aleteiya, 2011. 475 p. [in Russian].

Valetov, 2007 – *Valetov T.Ya.* (2007). Fabrichnoe zakonodatel'stvo v Rossii do Oktyabr'skoi revolyutsii [The factory legislation in Russia before the October revolution]. *Ekonomicheskoe obozrenie* [The Economic review]. Issue 13, pp. 34–44 [in Russian].

Varzar, 1905 – *Varzar V.E.* (1905). Statisticheskie svedeniya o stachkakh rabochikh na fabrikakh i zavodakh za desyatiletie: 1895–1904 goda [Statistical data on workers' strikes at the factories and plants for the decade of 1895–1904]. St. Petersburg: tip. V. Kirshbauma. 80, 38 p. [in Russian].

Varzar, 1910 – *Varzar V.E.* (1910). Statistika stachek rabochikh na fabrikakh i zavodakh za trekhletie 1906–1908 gg. [Statistics of workers' strikes at factories and plants for the three-year period, 1906–1908]. St. Petersburg: tip. V. Kirshbauma. 72, 220 p. [in Russian].

Volkov 1930 – *Volkov E.Z.* (1930). Dinamika narodonaseleniya SSSR za 80 let [Dynamics of population in the USSR for 80 years]. Moscow: Gosizdat. 272 p. [in Russian].

Volobuev, Gaponenko, 1968 – *Volobuev P.V., Gaponenko L.S.* (1968). Rabochii klass Rossii – gegemon sotsialisticheskoi revolyutsii [The working class of Russia is a hegemon of a socialist revolution] // *Voprosy istorii* [Problems of History]. nr 11, pp. 3–20 [in Russian].

Zimbardo, Lyaipе, 2000 – *Zimbardo F., Lyaipе M.* (2000). Sotsial'noe vliyanie [Social influence]. St. Petersburg: Piter. 444 p. [in Russian].

УДК 94(47)

Социальная природа, психологический облик и роль российского пролетариата в революционном движении

Борис Николаевич Миронов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В имперской России рабочие были во всех отношениях неблагополучной, маргинальной, фрустрированной и самой девиантной социальной группой населения – в 19 раз более криминогенной, чем крестьяне-земледельцы. Политический радикализм и агрессивность

* Корреспондирующий автор

Адрес электронной почты: bmironov@mail.wplus.net (Б.Н. Миронов)

пролетариев имели социальное, демографическое и психологическое происхождение. Их социально-правовой статус был неопределенным – они происходили из всех сословий, хотя в преобладающем числе из крестьян, но сами не являлись сословием, а в класс к 1917 г. еще не превратились. Оторвавшись от привычных условий жизни и принятых стандартов поведения в тех социальных группах, из которых происходили, они тяжело адаптировались к фабричной и городской жизни, что обуславливало антиобщественный характер их поведения и негативные психические состояния. У рабочих был низкий уровень жизни, и они имели неблагоприятный половозрастной и семейный состав. Мужчин насчитывалось в 6 раз больше, чем женщин; возрастной профиль был нарушен в пользу молодежи; почти половина мужчин и две трети женщин не состояли в браке. По причине низкого уровня жизни, маргинальности и половозрастного дисбаланса они были сексуально озабочены, раздражены и не удовлетворены жизнью уже только потому, что в обществе, где так ценились семья и дети, многие из них не имели ни того ни другого. В ситуации реальной невозможности удовлетворения фундаментальных, базисных потребностей у рабочих сформировалось конфликтное отрицательно-эмоциональное состояние фрустрации – недовольство, разочарование, тревога, раздражение и даже отчаяние, что часто находило проявление в агрессивном поведении, направленном против действительного или мнимого его источника.

Вследствие низкого уровня образования, когнитивного и культурного развития рабочие (в огромном большинстве) не осознавали себя как единое целое, не обладали социалистическим мировоззрением, не имели специфических целей и интересов и не претендовали на руководящую роль в революционном движении. Они легко превратились в объект манипулирования со стороны вождей революции и стали легкой добычей радикалов и революционеров. Простые и понятные лозунги, умелая пропаганда обеспечили успех большевиков в рабочей среде, а их большая и умелая организационная работа позволили им мобилизовать пролетариат и направить его энергию в нужное для них русло – использовать в качестве тарана и пушечного мяса для решения своей политической программы.

Ключевые слова: российский пролетариат, сословный состав, половозрастная структура, семейный профиль, культурный уровень, фрустрированность, маргинальность, профессионализация, рабочее движение, жалобы, стачки, манипулирование рабочими, большевики, революция 1917 г.